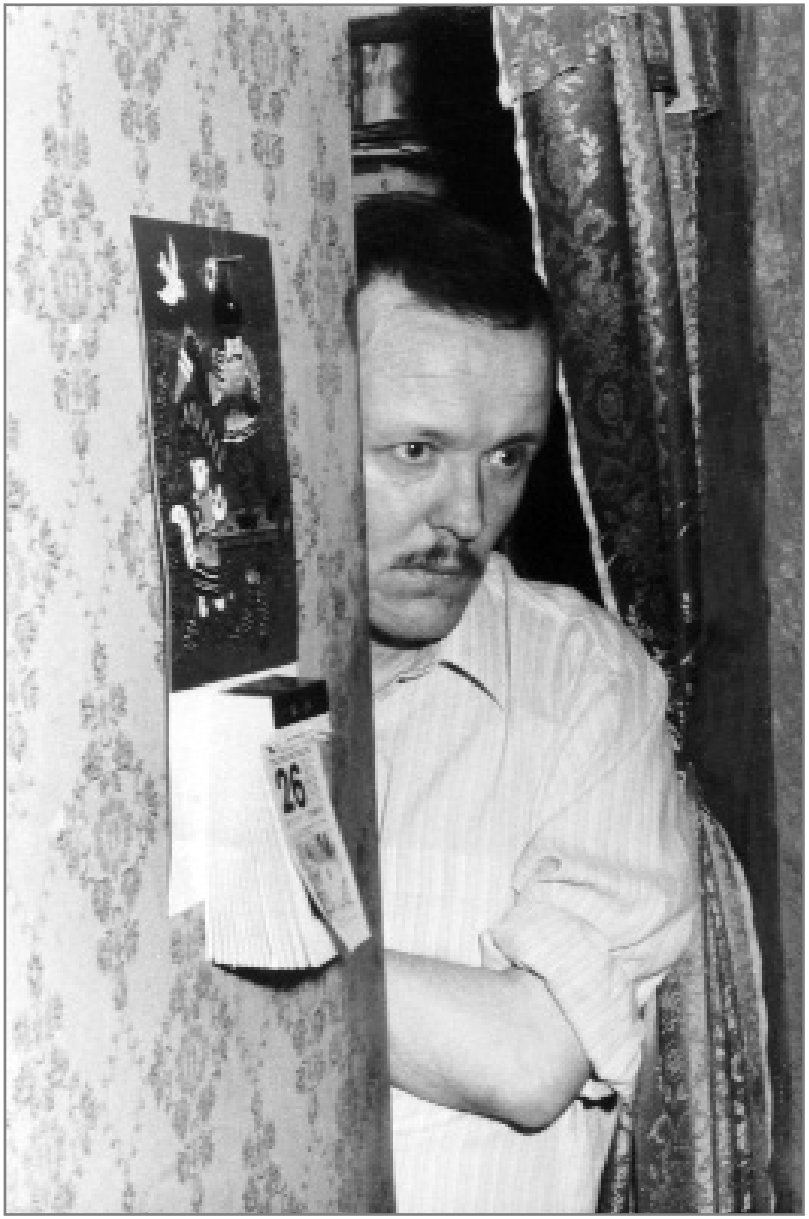
К 70-летию
со дня рождения поэта
Видновского края

Евгения ЗУБОВА
(1942 – 1996)

СЕРИЯ
«Поэты России»



Администрация
Ленинского муниципального района
Московской области

Московская организация
Союза писателей России

Евгений ЗУБОВ

МИСАЙЛОВО – ВРЕМЕНА ГОДА

Книга стихов

Четвертое издание

Москва
2011

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели: **А.П.Селезнёв** (первый заместитель главы администрации Ленинского муниципального района Московской области); **Л.К.Котюков** (председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России).

Члены совета: **Г.М.Абраменко** (член Совета Литературного объединения им.Ф.Шкулева); **В.П.Буркина** (депутат Совета депутатов Ленинского муниципального района Московской области); **И.Е.Витюк** (секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России); **Е.Н.Гаськова** (начальник отдела культуры Управления по делам молодежи, культуре и спорту Ленинского муниципального района Московской области); **Н.В.Григорьева** (директор МОУ «Учебно-методический образовательный центр» Управления образования Ленинского муниципального района Московской области»); **Т.В.Думчева** (пресс-секретарь главы Ленинского муниципального района Московской области); **Г.Н.Емельянова** (руководитель методического объединения учителей русского языка и литературы Ленинского муниципального района Московской области); **О.В.Журавлёва** (заместитель директора МУК «Межпоселенческая библиотека» Ленинского муниципального района Московской области); **А.П.Зименков** (председатель Совета Литературного объединения им. Ф.Шкулёва, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН); **Р.П.Зубова** (сестра поэта Е.П.Зубова); **Р.Р.Дивак** (директор МУК «Историко-культурный центр Ленинского района»); **В.Н.Карасёв** (глава администрации сельского поселения Молоковское Ленинского муниципального района Московской области); **О.П.Кубышкина** (директор ГБУК МО «Московская областная государственная детская библиотека»); **Г.Т.Логинова** (руководитель литературной мастерской «Слово» и молодежной литературной студии «Акцент»); **Т.В.Лукашёва** (директор МУК «Межпоселенческая библиотека» Ленинского муниципального района Московской области); **В.Я.Мамров** (Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Московской области); **А.С.Медведев** (секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России); **Т.П.Мельникова** (член Союза писателей Москвы, член Совета литературного объединения им.Ф.Шкулёва); **В.И.Меньшиков** (член Союза писателей Москвы, заместитель председателя Совета литературного объединения им.Ф.Шкулёва); **В.С.Меньшов** (генеральный директор МУК «Видновская дирекция киносети»); **М.Н.Николаевская** (заведующая информационно-библиографическим отделом МУК «Межпоселенческая библиотека» Ленинского муниципального района Московской области); **О.П.Омарова** (заместитель начальника Управления по делам молодежи, культуре и спорту Ленинского муниципального района Московской области); **В.М.Петров** (директор ЗАО «Полиграфическое предприятие «Вымпел»); **А.В.Плотников** (член Правления Московской областной организации Союза писателей России, заметитель главного редактора газеты «Ежедневные новости. Подмосковье»); **Н.В.Решетина** (главный редактор газеты «Видновские вести»); **Б.И.Соляник** (племянник Е.П.Зубова); **иеромонах Софроний /Горохольский/** (помощник благочинного церквей Видновского благочиния, член Отдела Московской епархии по издательской деятельности и связям с СМИ); **Л.Н.Хоркина** (ведущий методист МУК «Межпоселенческая библиотека» Ленинского муниципального района Московской области); **Н.И.Цветоватый** (директор Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские»); **М.И.Шамаилов** (начальник Управления по делам молодежи, культуре и спорту Ленинского муниципального района Московской области)

Ответственные за издание — М.И.ШАМАИЛОВ, Т.В.ЛУКАШЁВА
Вступительные статьи — С.Н.КОШМАН, Л.К.КОТЮКОВ
Составитель и автор послесловия — А.П.ЗИМЕНКОВ
Иллюстрации — Н.В.ВОРОНКОВА
Литературные редакторы — А.В.ПЛОТНИКОВ, Л.Н.ХОРКИНА
Дизайн, верстка — А.Р.ФЁДОРОВ
Фото — Г.М.АБРАМЕНКО, Г.Д.ГАСЛОВ, В.Г.РУБИНСКИЙ
В книге представлены фотографии МУК «Межпоселенческая библиотека», а также рукописи и фотографии из семейного архива Б.И.СОЛЯНИКА

© А.П.Зименков, составление
© Н.В.Воронкова, иллюстрации
© А.Р.Фёдоров, оформление

В сердце доверчивом вновь зазвучала
Музыка жизни. Я слышу её...

Евгений Зубов

Слово о поэте

Певец Видновского края

Песни и стихи в жизни людей всегда играли и будут играть важную роль. Во время Великой Отечественной войны они воодушевляли бойцов на борьбу с врагом. В 1960 — 1970-е годы молодёжь уезжала с ними на ударные стройки. А сколько стихов и песен создали наши бойцы и командиры, участвовавшие в боевых действиях в Афганистане и контртеррористических операциях на Северном Кавказе. И сегодня поэтическое и песенное слово по-прежнему звучит за праздничным столом, в солдатской казарме, матросском кубрике и у туристического костра, звучит, когда мы радуемся и когда грустим.

Видновский край славен замечательными поэтами. Среди них — уроженец деревни Мисайлово Евгений Зубов, которого за талант и созданный им яркий запоминающийся образ малой родины часто называют Есениным Видновского края. Приведу лишь одно из его стихотворений, как мне кажется, подтверждающее это:

Бросив факельный отсвет в притихшее озеро,
В свой последний и гибельный час
Запылали леса золотисто и розово,
Быть замеченными стремясь.

Каждый кустик и деревце каждое
Нам дарили багрянца узор,
Освещая селенья и склоны овражные,
И далёкий холмистый простор.

До того, как угаснуть, уйти отрешёнными
В белый дым снегопада, в неистовость вьюг, —
Всё кивали цветными горящими кронами
Многочисленным птицам, летящим на юг.

Чтоб не только дожди и туманы холодные
Птицы видеть в дороге могли, —
Но и всю красоту покидаемой родины,
Светозарной бескрайней земли!

В этих строчках есть всё, в чём мы нуждаемся сегодня: и искренняя любовь к родному краю, и трепетное отношение к окружающей нас природе, и «чувства добрые», которые поэт стремится пробудить в людях.

В Ленинском районе хорошо знают, ценят творчество Зубова и многое делают для увековечения памяти своего земляка. В Мисайлове одна из улиц носит его имя, а на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. Три издания выдержала книга избранных стихотворений Евгения Зубова.

В школах района проводятся «Зубовские уроки», где учащихся знакомят с биографией и личностью поэта, стремятся пробудить интерес к его творчеству. Большим успехом пользуется общерайонный фестиваль конкурс художественного слова «Зубовские чтения», в котором принимают участие десятки школьников, исполняющих со сцены лучшие стихотворения нашего земляка.

В 2002 году администрация Ленинского муниципального района и Московская организация Союза писателей России учредили областную премию имени Евгения Зубова. И теперь она ежегодно вручается лучшим подмосковным поэтам, ярким представителям талантливой молодёжи, руководителям лучших областных литературных объединений, а также работникам учреждений культуры и спонсорам, внесшим заметный вклад в развитие литературной жизни Подмосковья.

С каждым годом круг людей, знающих и любящих творчество Зубова, становится всё шире. К его наследию проявляют активный интерес композиторы, музыканты и художники. Уверен, что четвёртое, дополненное и исправленное издание избранных произведений поэта, приуроченное к 70-летию со дня его рождения, поможет стихам нашего земляка обрести новых искренних и верных друзей.

Сергей КОШМАН,
глава Ленинского муниципального района
Московской области

Он оставил яркий след на земле

Хорошо помню тот мартовский день в деревне Мисайлово, когда при большом стечении людей торжественно открывалась мемориальная доска на доме, где жил замечательный поэт Видновского края — Евгений Зубов. Я и другие представители Московской организации Союза писателей России были удивлены и тронуты прекрасным праздником поэзии, в котором участвовали. Мы невольно заражались искренним порывом и живым интересом вокруг нас. А еще это горячее солнце, весенний шершавый загрубевший снег, свежий пьянящий воздух, звонкое синее небо над деревенскими крышами.

В годы реформ, надо прямо сказать, в нашем Отечестве несколько подрастеряли уважение к своей культуре и своим корням. И поэтому я, захваченный общим светлым настроением, вместе с другими членами писательской делегации тогда очень желал, чтобы доброе дело, в котором участвовали представители администрации Ленинского района, десятки искренних почитателей таланта Евгения Зубова, его родные и земляки, послужило бы примером заботливого отношения к даровитым самородкам в других городах и весях Подмосковья.

Известный при жизни довольно узкому кругу поэт из Мисайлова не искал славы. Он просто всю жизнь писал о природе, которую лучше всего знал и понимал. С редким умением и настойчивостью открывал он в привычных, многократно повторяющихся природных явлениях новое и важное, вновь и вновь отыскивал для описания, казалось бы, давно знакомых вещей свежие краски. Можно без конца приводить его яркие выразительные строчки: «Распускает март клубки сугробов на живые нити ручейков», «В глубину еще пустых скворешен смотрит неба любопытный глаз», «Дождь затихает незаметно, в снег превращаясь на лету», «Серебристый тонкий месяц видит в лужах свой двойник», «Словно монета со дна водоема с неба дневного белеет луна»...

Он писал о природе, а в итоге получилось, что делал то, что и должен делать поэт, — способствовал возвышению сердец, освобождению людских душ от ненависти и одиночества.

Острое ощущение времени, безостановочного круговорота природы сформировало в Евгении Зубове пушкинское трагически-светлое восприятие жизни. Тогда, в 2002 году, в Мисайлове я с удовольствием прочитал у его дома очень понравившееся мне стихотворение, которым он завершал свой сборник «Времена года». Как удивительно сильно и глубоко было в нем передано состояние человеческой души накануне новой весны.

Улеглись снегоносные бури.
Обозначились дали ясней.
Вот и дожили мы, дотянули
До весёлых, улыбчивых дней.

Нелегки были зимние вёрсты,
Одолеть их сумели не все.
Это очень не просто, не просто —
Восхождение к новой весне.

С того момента, когда мы широко отмечали 60-летие со дня рождения Евгения Зубова, прошло 10 лет. За этот период удалось немало сделать для увековечения памяти поэта. В Мисайлове появилась улица Евгения Зубова, были изданы три сборника его избранной лирики. Администрация Ленинского района и Московская областная организация Союза писателей России учредили и ежегодно в торжественной обстановке вручают литературную премию, носящую его имя.

В журнале «Поэзия», главным редактором которого я являюсь, были опубликованы зубовские стихи и статья об авторе. А поскольку наш журнал известен не только в России, но и за рубежом, и в 2002 году был признан ЮНЕСКО лучшим среди аналогичных национальных изданий, то можно сказать, что творчество Евгения Зубова, преодолев границы Московской области, стало достоянием широкого круга россиян, а также русскоязычных читателей во многих странах мира.

Лев КОТЮКОВ,
Председатель Правления Московской областной организации
Союза писателей России, лауреат Московской областной
литературной премии им. Евгения Зубова

Мисайлово — времена года

ВСТУПЛЕНИЕ

Великий фокусник — Природа!
Не удовольствуется малым,
Накроет землю на полгода
Широким снежным покрывалом.

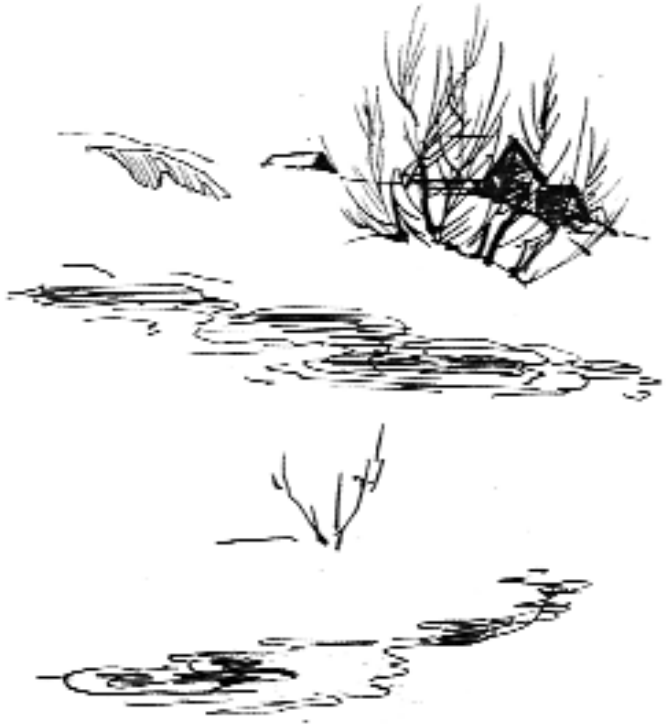
Движенье вод прервав морозом,
Пройдя по царству ледяному,
Всё погрузит своим гипнозом
В оцепенение и дрёму.

Великий фокусник Природа,
Покровы снежные срывая,
Откроет путь зелёным всходам,
Разливу рек, цветенью мая.

Земля, как скатерть-самобранка,
До дней закатных листопада
По туескам, лукошкам, банкам
Свои дары рассыпать рада.

Четыре номера коронных
Зовутся — временами года.
Я твой пожизненный поклонник,
Великий фокусник Природа!

Весна



МАРТ

***

Ещё земля по-зимнему бела
И выглядит, как контурная карта.
Но дни идут. В преддверии тепла
Светлеет даль, всё зримей поступь марта.

Седых потёмок отступает мгла,
Туманов зимних белый полог рвётся.
Пластины окон, словно зеркала,
В рассветный час большое множат солнце.

Из сада в голубую тишину
Светло и радостно синица засвистала.
Спасибо, жизнь, за новую весну,
С которой повторится всё сначала!

***

Солнце берётся за дело всерьёз.
Снега в полях не останется скоро,
Около дома встают в полный рост
Яблони, груши, сараи, заборы.

Чёрной земли обнажается пласт.
Лужи в игре ослепительных вспышек.
Скоро над бурой проталиной в пляс
Пустится рой толкунцов-комаришек.

На затенённых задворках капель
Множит ледовые соты из лунок.
Так обновляет весны акварель
Белой зимы потускневший рисунок.

***

Свалился снег тяжёлым грузом с крыш —
Вздохнули с облегчением стропила.
Звенящей, радостной, лучистой силой
Ослеплена взволнованная тишь.

Террасы свежевымытой окно,
Светясь, играет влажным блеском полдня.
Как в зеркале, в окне отражено
То, что волнует, радует сегодня.

В саду скворечня из-под козырька
Глядит с берёзы, как из-под ладони.
Вот-вот увидит в гулком небосклоне
Гостей, прибывших к ней издалека.

На голубом — ветвей живой узор.
Кричит петух, весны-красны поклонник.
И солнце покровительственный взор
Бросает на рассаду помидоров,
Чьё место нынче — тёплый подоконник.

Капель

Капель за окнами взахлёб
Нам рассказать за день сумеет,
Как весь в испарине сугроб
У дома нашего худеет!
Как в поле солнце рушит наст,
Наполнив тёплым светом дали...
Чтоб мы с тобой на этот раз
Свою весну не прозевали.

***

Распускает март клубки сугробов
На живые нити ручейков,
Лечит лес от зимнего озноба,
Плавит в свет наплывы облаков.

Ворс серёжек серебрист и нежен —
Верба зацвела в урочный час.
В глубину еще пустых скворешен
Смотрит неба любопытный глаз.

Оживают голубые дали:
Шум ветров, грачей протяжный крик.
Островки разрозненных проталин
Сходятся в единый материк.

***

Неба бескрайнего синяя власть.
Жаркие противни-крыши.
От снежной опеки освободясь,
Земля на припёке дышит.

В грязных подтёках — сырые бугры.
В поле — ожившая озимь.
Терпкие запахи мокрой коры.
Леса манящего роздымь.

Не ожидая, беспечная, бед,
К полдню успев отогреться,
Первая бабочка мчится на свет
Яркой посланницей детства.

***

Чуткие клавиши-льдины…
Музыка вешней воды
Переполняет пруды,
Льётся ручьями в низины.

Слушают дети с бугра.
Мчатся потоки свободно.
То, что молчало вчера,
Музыкой стало сегодня.

***

Было всё: тоска осенних буден,
Ропот листьев, первый снегопад…
А сегодня март встречают люди,
Каждый свету солнечному рад.

Ветер у дворов бельё полощет.
Покидает косогоры снег.
Ожила берёзовая роща —
Вновь над ней грачиный фейерверк.

Позади метели, холод лютый.
На свою не сетуя судьбу,
Сад вступает в голубое утро
С солнцем ослепительным во лбу.

АПРЕЛЬ

***

В гулкое небо погожего дня
Яблони тянут корявые руки.
Шелесты, шорохи, птичья возня —
Это весны возрождённые звуки.

Зимней тоски притупив остриё,
В сердце доверчивом вновь зазвучала
Музыка жизни. Я слышу её
Мощное, радостное начало.

Взмахами крыльев пространство круша,
В мир посылая любви позывные,
Птицы на север к гнездовьям спешат.
Сколько уж вёсен! А всё, как впервые...

***

Тугой, неукротимый ветер
Гудит в разбуженных садах.
В весенней этой круговерти
Такой напор, такой размах!

Уносит льдины, как игрушки.
Вода буравит тишину…
Весною мелкие речушки
Вдруг обретают глубину.

Последний снег

Нежданный снег приводит в раздраженье.
Последний снег не то, что первый снег.
Снежинок лёгких тихое круженье,
Замедленное, будто бы во сне.

Последний снег, как нежеланный гость,
Он отнимает дорогое время.
Засыпал тропы, косогоров темя,
И поле превратил в немой погост...

Глубокий снег, что лёг среди апреля,
Придал земле холодные черты.
И проступает из-под снега зелень,
Как будто кровь сквозь белые бинты.

***

Осень может выдаться погожей,
Если в мире свет и тишина.
Осень тёплой может быть, но всё же
Издали ненастною видна.

Мы спешим приход весны приблизить, —
А она с ветрами и дождём.
Но весне прощаются капризы,
И её мы солнечной зовём.

***

Мягко сумерки апреля
Стелют тени над селом.
Не спешат закрыться двери
Перед солнцем и теплом.

Серебристый тонкий месяц
Видит в лужах свой двойник.
Задушевный голос песни
В тишине села возник.

Запах дыма, смех негромкий,
Огоньков заречных дрожь.
Смотришь в синие потёмки
И опять чего-то ждёшь...

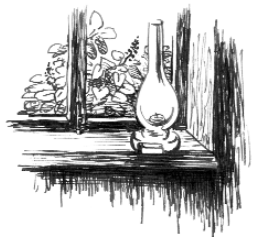
Перед праздником

Толкутся над землёю комары.
Зелёный лук проклюнулся из грядок.
Сгребают мусор, жгут в садах костры,
Наводят люди на дворе порядок.
Ненужный хлам — на свалку отнести,
Очистить дом от грязи и от пыли.
Вот только бы за делом не забыли
Мы и в себе порядок навести.

***

Куда девался снег вчерашний?
Его сегодня не найти.
Где он лежал, чернеют пашни
И распускаются цветы.

И только где-нибудь в ложбине,
В сырой, спасительной тени
Он притаился — тускло-синий —
Со старым оттиском лыжни.



МАЙ

***

Лягушек радостное пенье.
Глухой прохожих говорок.
Ложатся от деревьев тени
На лунный свет ночных дорог.

Травою первой пахнет воздух,
Наш наполняет палисад.
В раскрытых почках, словно в гнёздах,
Листочки свёрнутые спят.

***

Дождь уложился в полчаса.
Прошёл, как будто не был.
Возносят птицы голоса
В сияющее небо.

Блестят на солнце парники
Прозрачной влажной плёнкой.
Берёз зелёные дымки
Свет источают тонкий…

***

Лес множит птичьи отголоски.
В полях привольно и светло.
Глядишь на тонкие берёзки,
Как сквозь зелёное стекло.

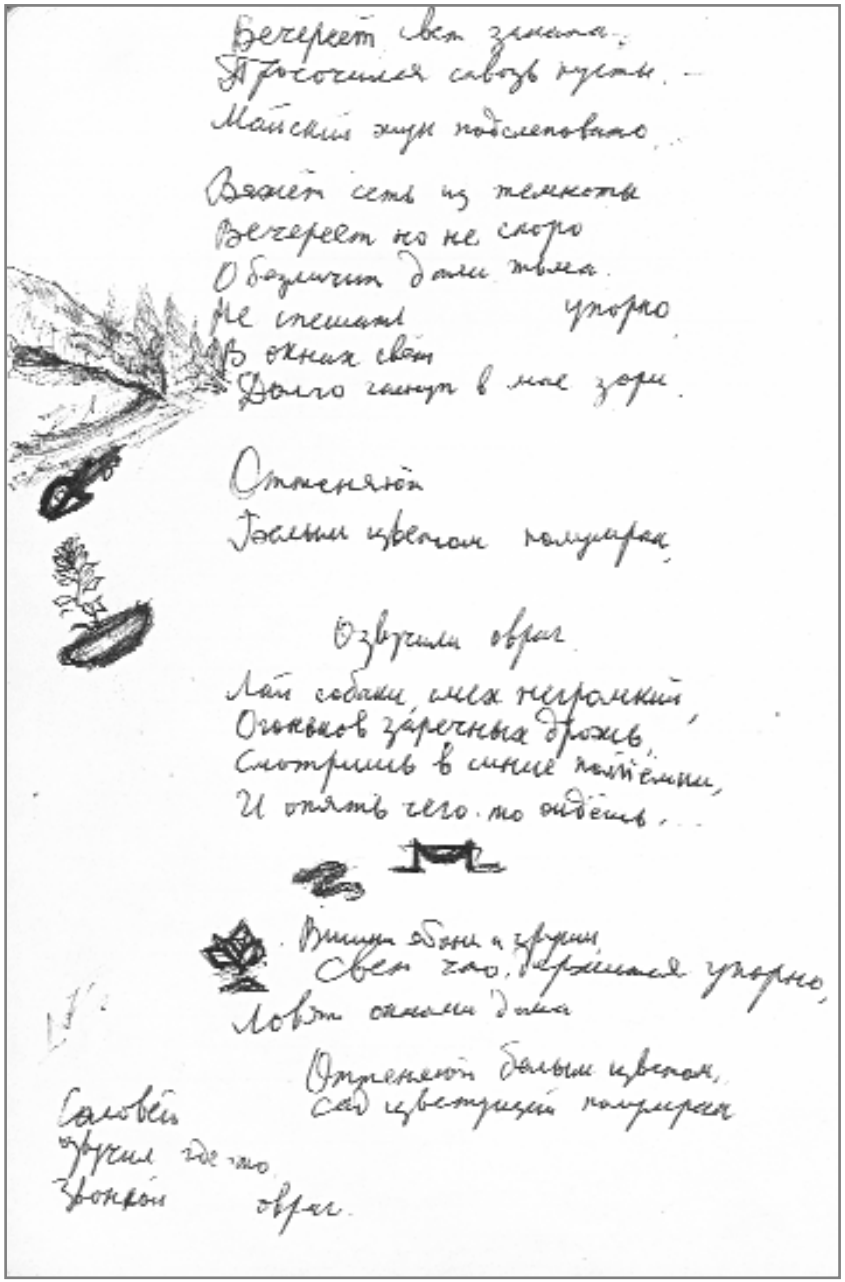
Ласкают нежностью зелёной
Откосы, скаты и бугры.
Над речкой вётлы держат кроны,
Как нить — воздушные шары.

***

Кто остаться может равнодушным,
Когда май вступил в свои права?
Перелески — в зелени воздушной,
На лужайках — юная трава.

С небосвода слышится: «Осанна!»,
Землю вижу, словно в первый раз.
Всё вокруг свежо и первозданно,
Всё для жизни создано, для нас.

Головы берёзам кружит ветер,
Солнце не скупится на тепло.
Праздник первой зелени отметил
Месяц май — красиво и светло.



Вечереет свет заката.
Просочился сквозь пустоты —
Майский жук подслеповато
Вяжет сеть из темноты.
Вечереет но не скоро
Обозначит дали тьма.
Не спешат упорно
В окнах свет
Долго тянут в мае зори.

Отцветают
Белым цветом полумрак.

Озвучили овраг
Лай собаки, мех негромкий,
Оттенков зáречных дрожь,
Смотришь в синие пятёнки,
И опять чего-то ждёшь...

Вишни обни и зрели
Свет гас, держался упорно,
Ловя окна дома
Отцветают белым цветом,
Сад цветущий полумрак
Соловей
Пел где-то
Звонкий овраг.

Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

Одуванчики

По оврагам, по откосам,
По кюветам вдоль дорог —
Всюду солнечная россыпь
Появилась дружно в срок.
У весны цветов немало.
Час придёт, и зацветут
Гиацинты, маки, мальвы
За окном у нас в саду.
Но когда вдали от лета
Память взглянет сквозь пургу,
То увидит время это
С одуванчиковым цветом
На распахнутом лугу.

Постижение

Весна не терпит проволочки
И ценит каждую минуту —
Дождём обрызганные почки
Листвой становятся под утро.

Цветёт заря над лесом алым.
Вот-вот рассвет лучами брызнет.
Но чтоб постичь всё это, мало
Бывает нам и целой жизни.

Живой венок

Весёлым зябликам внимая,
Весенний лес листву раскрыл.
Вновь соловей, любимец мая,
Округе песню подарил.

Возносит жаворонок трели
В просторы неба от земли.
Скрипят, как детские качели,
В сырых лугах коростели.

В зелёных рощах и лощинах,
Вблизи просёлочных дорог
Цветы и песни воедино
Сплетает май в живой венок.

***

Пряный вечер по-летнему чуток.
Бродят соки хмельные земли.
В небе россыпью незабудок
Звёзды робкие расцвели.

В лунных бликах — потухшие окна
И оживших деревьев стволы.
Голубого тумана волокна
Наплывают из ласковой мглы.

Подступили, встревожили душу,
Поманили из тесных дверей
Слушать жаркие речи лягушек,
Стоны чибисов в дымке полей.

Яблоня

Эту яблоню
посадила ещё до войны
моя мама.
В ту весну,
когда она умерла,
рухнула на землю
и старая яблоня...

Ночной грозы неистовая сила
Под самый корень яблоню сломила.
Пришёл рассвет, мир нежился в тепле…
Она лежала на сырой земле.

Она жила немало лет на свете,
Её плодам так радовались дети.
В голодном детстве яблок сладкий дар
Любили получать и млад, и стар.

А яблоня не знала передышки,
Бросала щедро яблоки мальчишке
К ногам под осень с веток каждый год.
Что ни весна — она опять цветет.

И вот грозы неистовая сила
Стареющую яблоню сломила.
Лучилось солнце, голубел простор,
Гудели пчелы, как церковный хор.

О яблоне ничуть не беспокоясь,
В её цветах неторопливо роясь,
Нектар сбирали пчёлы про запас —
Теперь уже в последний раз...

***

Месяца литое коромысло
Вечер зацепил за провода.
Золотистой пчёлкою повисла
Над цветущей яблоней звезда.

Майский жук, кружась подслеповато,
Стукнулся в потухшее окно.
Не пройтись ли с песнею, ребята,
По тропинке старой в Картино...

Только как ребят мне тех дозваться?
Где найти картинских тех девчат?
Детям их, поди, уже за двадцать —
Время нянчить маленьких внучат...

Пусть на грусть наводят эти мысли,
Но видны, как в юные года,
Месяца литое коромысло,
Над цветущей яблоней — звезда.

Жадно ловишь нежный дух сирени,
Соловьиный слушаешь мотив,
Горечь мимолетных сожалений
В красоте природы растворив.

***

Красят светлые закаты
Воду тёплую в реке.
Соловьиные раскаты
Затихают вдалеке.

Разрушая постоянство,
Ускоряя жизни ход,
С вишен белое убранство
Ветер времени собьёт.

Соберёшься, как бывало,
На рассвете в сад пойти:
На земле, как после бала,
Цвет опавший — конфетти.

Лето

ИЮНЬ

***

Спокойный ход полдневных облаков,
Движенье трав под свежей лаской ветра;
День, отражённый синью бочагов,
Весь в переливах солнечного света.
Цветов болотных тонкий аромат,
Свист соловья в густой листве ракиты.
Неужто здесь три месяца назад
Держался снег, всё было льдом покрыто?
Начало лета, жизнь бурлит везде.
И ты стоишь, в волненье замирая,
Следя, как солнце теребят в воде
Мальки рыбёшек, весело играя.

Облако

Трётся о ноги котёнком
В белом пуху одуванчик.
За полем кукушка громко
От одиночества плачет.

В нитях седой паутины —
Звёздочки пустоцвета.
Белое облако мимо
Окон вплывает в лето.

Снежной сверкая прохладой,
Тает оно в отдаленье,
Майского белого сада
Напоминая цветенье.

***

Ходят грозы с гулкою пальбою.
Облака по-летнему легки.
Тихий лес за дымкой голубою
Перекличкой будят грибники.

Гладь речная в переливах света.
Солнце в полдень яростно печёт.
Жарким дням открывшегося лета
Начали кузнечики отсчёт.

Соловьи

Отсвет белых ночей
И в моём Подмосковье заметен.
Долго гаснет заря,
Источая желтеющий свет.
Соловьи, соревнуясь,
В часы приглушённые эти
Воспевают любовь,
На шумы нарушая запрет…

Просёлок

Когда глядишь в просторы долго,
Тебя берут к себе в полон
В ромашках старая дорога,
Высокий летний небосклон.
Лишь только свет зари забрезжит,
Здесь можно увидать всегда
И местный люд, и люд приезжий, —
Идут просёлком кто куда.
За время летнего сезона
Кого не повстречаешь тут!
Мальчишки катят круг баллона
Гурьбой весёлою на пруд.
Пройдет пастух, жарой сморённый.
На «Волге» новенькой пыля,
Начальство едет из района
В колхоз — осматривать поля.
Подростки на велосипедах,
Рыбак — с мечтою о плотве.
…За долгий день идут и едут
Под звон кузнечиков в траве.

***

Как в синей речке рыбья молодь,
Меж облаков в разводьях чистых
В игре беспечной и весёлой
Стрижи проносятся со свистом.

В садах стихают птичьи песни,
На ветке лист не шелохнётся.
Садится день за тихим лесом
На парашюте красном солнца.

На рассвете

Куст шевельнёт онемевшею веткой,
Птаха подаст голосок свой в ответ.
В летних полях золотистый рассвет
Пахнет туманом и жёлтой сурепкой.

Солнце лучами ещё не достало
Сонной деревни, зелёных садов.
Смело гостит у безмолвных дворов
В поисках корма грачиная стая.

Ветер спросонья листвой прошуршал.
День народился, румянясь с востока.
На загородке стрекочет сорока,
В сад посылая подругам сигнал…

На проводах воробьиный галдёж
Дружно ворвался в рассветную дрёму.
Из огорода к соседнему дому
Катится тропкой росистою ёж.

Тихая улица, росные травы,
Всё, что осталось у наших дверей,
Принадлежит «меньшим братьям» по праву
До пробужденья людей…

Росинка

Зеркальный шарик утренней росинки,
Колеблемый на кончике листа…
В нём отразился поворот тропинки,
Густая зелень пышного куста,

Полёт пчелы, гудящей монотонно
Над красочным цветением гвоздик.
И синий взгляд крутого небосклона
В росинку эту трепетно проник.

Но дрогнула под ветром паутинка,
Ожили души дремлющих теней —
Качнулся лист, скатилась вниз росинка…
И целый мир упал на землю с ней.

***

Где-то кровельным железом
Покрывают крышу дома.
А вдали над синим лесом
Вновь слышны раскаты грома.

Молотки, громам переча,
Сыплют дробным перестуком.
Надвигаясь из заречья,
Туча край берёт испугом.

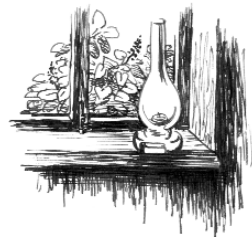
И летят на расстоянья,
Сотрясая сушу, воды, —
Гром людского созиданья
И стихийный гром природы.

Июнь

Распахнулась даль заманчиво,
Светом полон небосвод.
Вслед за пухом одуванчиков
Тополиный пух плывёт.
Пахнет ветер сладким клевером,
Травы ждут в лугах косца.
День цветным раскрылся веером
До предела, до конца.

***

Мне б затеряться в благодатном лете,
Забыв листки срывать календаря!
Как в дом, входить в закаты и рассветы,
Дары земли уверенно беря.
Лежать на солнце, мокнуть под дождями,
Забыть на время вечный груз забот...
Но только горечь осени с годами
И в мае мне покоя не даёт.
В разгаре лета старая тревога
Мешает счастью, радостям земным.
Быть может, для преодоленья зим
Я в прошлом сил затратил слишком много.



ИЮЛЬ

***

Июльский зной в лощинах сушит
На травах скошенных росу.
Всё отдалённее и глуше
Кукушка голосит в лесу.
В лиловом мареве поляны.
Вдали раскаты буйных гроз.
В горячем воздухе мельканье
Звенящих мошек и стрекоз.
Хвостом стегая поминутно,
Пасётся лошадь в душный день.
Над крупом лошади, как спутник,
Висит назойливый слепень...
В листве ракит трепещет солнце,
Как рыба скользкая в сетях.
А за бугром бурлит и бьётся,
И детским смехом отдаётся
Вода в потёртых берегах.

***

Околица. Полдень. Спираль повилики.
Горячее солнце. Картошка в цвету.
Стрижи, нарушая безмолвие криком,
В безоблачном небе стригут высоту.

Мальчишка от пруда идёт босоногий,
Две удочки крепко сжимая в руке.
В оправе ромашек белеет дорога.
Знакомая роща блестит вдалеке.

Едва я успел к пареньку приглядеться,
Как он растаял в горячей дали.
И только следы босоногого детства
Виднеются в тёплой дорожной пыли…

Дорогой детства

На этом пути и в солнце, и в дождь
Не знают усталости резвые ноги.
Весь свет обойди, но нигде не найдёшь
Такой же весёлой и лёгкой дороги.

Секрет её нетрудно понять:
Дорогу окину задумчивым взглядом —
И вижу отца на дороге и мать.
И с ними себя, малолетнего, рядом.

***

Долго стою — очарован привольем.
В мареве синем густеют леса.
Ласточке, мчащейся низко над полем,
Грудку щекочут колосья овса...

Это и есть настоящее счастье:
Близкие люди, родительский дом.
Только беда, что не ведаем часто
Мы вот об этом о счастье своём.

Зарница

За полем зреющей пшеницы,
За тёмным контуром села
Всю ночь безмолвная зарница
Взметала к небу, словно птица,
Два огненных своих крыла.
Родившись в бездне ль запредельной,
Из недр ли вырвавшись земных,
Она отчаянно хотела
В просторах властвовать ночных.
Короткой судорогой света
Плескала в окна, в глубь полей...
Но лишь на это, лишь на это
Хватало злобной силы ей...

Подкова

Вспоминается прошлое часто,
Когда лошадь была в чести,
Когда можно было на счастье
Близ дороги подкову найти.

Нынче мимо машины мчатся.
В поле — рокот стальных тракторов.
От машин и от трактора части
Мы находим вместо подков.

***

Как мало беспокоит нас,
Что с каждым годом рвётся связь
Между природой и людьми
И что повинны в этом — мы…

Мы, люди гордых, дерзких лет
И покорители планет,
Живём, как спутники, вдали
От породившей нас земли!

Забыли в гаме городов
Язык полей, язык цветов.
И в окружении друзей
В лес выезжаем, как в музей...

***

Где та дорога, что в детстве вела
В пёстрые праздники, в будни?
Шли по дороге в село, из села
Самые разные люди.
Пыль приминая, брели с посошком,
Ехали на подводе.
Сколько прошло их? Кто знает о том?
Кто там еще на подходе?
Скоро ль появятся? Долго ли ждать?
Травы колышутся слитно.
В поле давно никого не видать.
Да и дороги не видно.
Мелкий осинник, тревожа покой,
Что-то лопочет несмело.
Может, дорогою ходят другой?
Или земля опустела?..

***

В моей деревне что ни дом — кирпичный.
В домах водопровод, проводят газ.
Стираются черты былых различий
Между селом и городом у нас.

Но, радуясь пришедшей перемене
С моими земляками заодно,
Хочу я, чтоб осталось неизменным
То, что иметь деревне суждено.

Чтоб погубить стосильные машины
Моторами своими не смогли
Рассветной переклички петушиной
И запахов проснувшейся земли.

Хранительница правил наших древних,
Встав смело у дорожного кольца,
Пусть сохранит российская деревня
Неповторимость своего лица.

АВГУСТ

***

Звуки дня растаяли, умолкли.
Спала перед вечером жара.
В тёплых травах голос перепёлки
Призывает дали: «Спать пора».
Всё вокруг опутано дремотой.
Копны сена. Вётлы у пруда.
От поры весенней, беззаботной
Нынче не осталось и следа.
То, что видишь в жизни повседневной,
В этот час растрогает до слёз:
Окоём за тихою деревней,
Кладбище с процессией берёз...
Свет закатный тронул грустью сердце,
Лёг раздумьем на моём пути.
Никуда от этого не деться,
Никуда отсюда не уйти.

Голуби

Притихло всё — ни всплеска ветра
В тугих колосьях спелой ржи.
Куда-то делись незаметно
Вороны, ласточки, стрижи.

Лишь там, где небо, полыхая,
Ворчит зловеще всё грозней,
Под чёрной тучей кружит стая
Беспечных белых голубей.

Они могучей страшной силой
На край небес привлечены.
Белее снега вспышки крыльев
На фоне чёрной пелены.

Земля и небо

Люди смотрят на небо
земными глазами

Небо живёт отраженьем земли.
Видели мы не однажды:
Строем идут облака-корабли,
С грузом — воздушные баржи.
Заполонили небесный простор,
Преодолев расстоянья,
Нагромождения призрачных гор,
Рыб и зверей изваянья.
Полосы дыма — в сгустившейся мгле.
Тает багровое солнце.
Если бушует пожар на земле —
Зарево в небо взметнётся...
Вечер настал, только мы не одни —
Светит село огоньками.
В эти минуты на небо взгляни:
Что там мерцает над нами?..

***

Окрасив клювы соком вишен,
Над садом кружатся дрозды...
Земля покоем летним дышит,
Скрывая осени следы.
Цветы пылают ярко, щедро,
Взяв палисадники в полон,
Перебирают пальцы ветра
Листву безвольную сквозь сон.
Но жизнь, заботой и делами
Озвучив сонные дворы,
Напомнит голосом пилы,
Что холода — не за горами.

Проводы

День пролетел в хлопотливой подмоге,
Время с детьми расставаться пришло.
Вещи уложены. Перед дорогой
Молча присела, вздохнув тяжело.

Что остаётся? Внуков и дочку
Ей напоследок крепко обнять...
Вот обняла, помахала платочком.
Смогут ли свидеться снова? Как знать?

Страшно хозяйке старого дома:
Лето окончилось, снова одна…
Словно монета со дна водоёма,
С неба дневного белеет луна.

***

Я повторял с упрямой спесью,
Что сам я, дескать, по себе,
Что проживу без «вдруг» да «если»
Наперекор своей судьбе.
В своих сужденьях независим,
Быть независимым хотел
От чьих-то глаз, улыбок, писем,
От неудач, хулы и дел,
От серой пасмурной погоды,
От жарких солнечных лучей,
Я не хотел зависеть, гордый
От доброй милости ничьей…
В своих сужденьях независим,
Зависим я ото всего:
От слов людских, поступков, мыслей,
От звёзд дрожащих высоко.
Надеждой вытеснив усталость,
Смотрю в простор открытый дня…
Ах, если б кто-то, пусть хоть малость,
Зависим был и от меня.

***

Вот образ осени маячит
Не в сновиденьях, наяву.
Рассвет бесстрастно обозначил
На ветках жёлтую листву.

Под иволги тоскливый голос,
Далёко слышимый окрест,
Склоняет стебель спелый колос,
Устав держать янтарный вес.

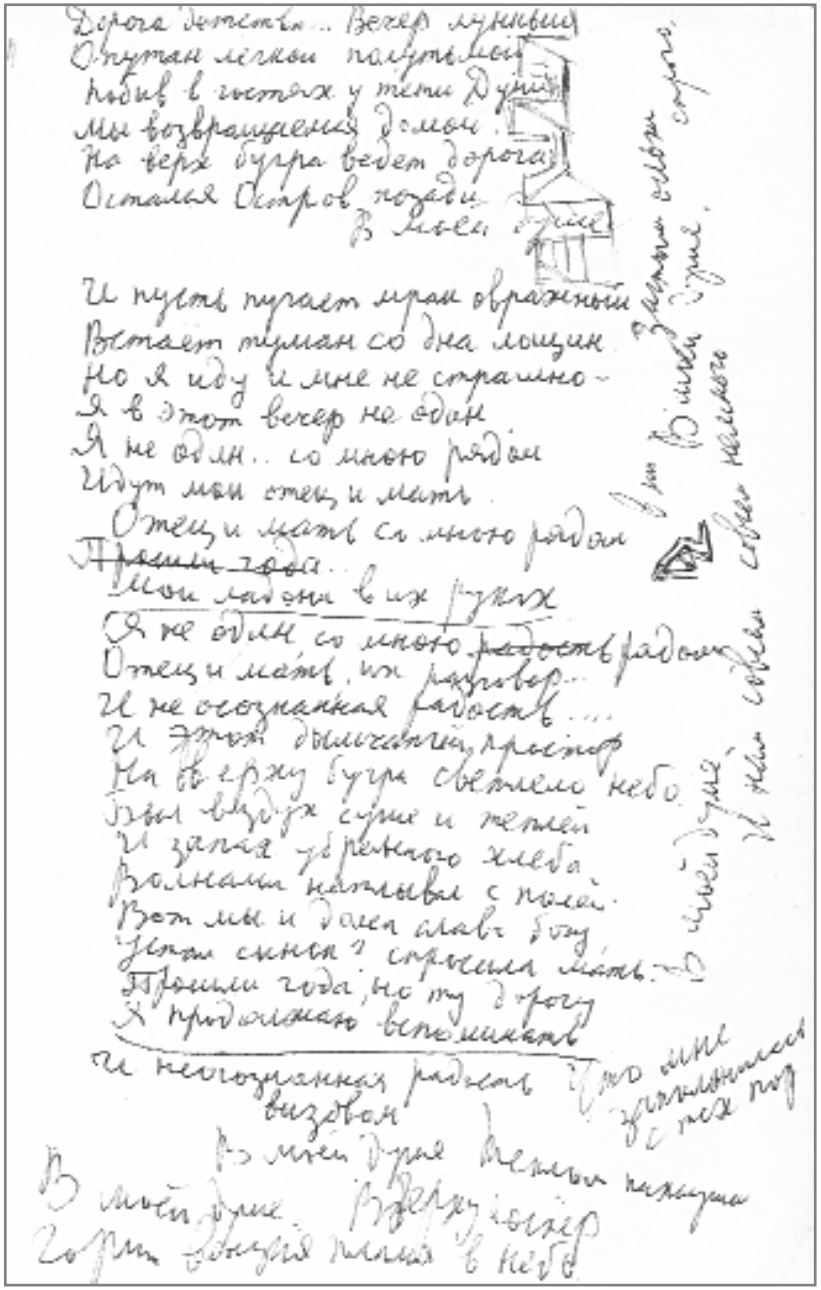
О чём весной мечталось, пелось,
Что в даль безудержно влекло, —
Под осень тяжестью осело,
Раздумьем на душу легло...

Сумерки

К окнам льнут кусты густой сирени.
Дом зелёным сумраком объят.
Подступают отовсюду тени,
Свет последний в комнатах теснят.

Хорошо сидеть вот так, без света,
Ощущать, как вечер льнёт к лицу,
И грустить о том, что вот и лето
Незаметно подошло к концу.

Эта грусть и лёгкая тревога
Приглушённой музыке сродни.
Не для подведенья ли итога
В этот час рождаются они?



Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

Мера жизни

Ты помнишь поле, вспаханное в мае?
Окрашенное в жёлтые тона,
Оно под осень радостно внимает
Колосьям, полным зрелого зерна.

Ты помнишь птиц, что пели не смолкая,
Когда вокруг всё празднично цвело?
Они, недель напрасно не теряя,
Своих детей подняли на крыло.

Ты помнишь сад в цветенье белоснежном?
Сейчас на ветках спелые плоды.
Приходит осень. Это неизбежно.
А что за это время сделал ты?

Время

Отскандировали, отсвистали
Птицы в ближнем лесу и поле.
Те, что в гнёздах вчера пищали,
Нынче вылетели на волю.

Что вчера было белым цветом,
Стало ягодами, плодами.
Зелень озими незаметно
Желтизну обрела за садами.

Грузных туч облегчая бремя,
Расточает гроза усилья…
И плывёт над землёю время,
Облаков расправляя крылья.

Осень

СЕНТЯБРЬ

***

Стуком в окно меня будят синицы...
Утро и солнечный свет!
В блёстках росы весь дрожит и искрится
Сад, словно пышный букет.

Ясно и чётко доносятся звуки,
Воздух прохладен и чист.
В роще грачи перед скорой разлукой
Кружат, сбивая лист.

А в палисаднике статный, высокий,
Гордо выставив лоб,
Встал георгин — светофор краснощёкий,
Лету командует: «Стоп!»

Рассвет

Обретает в свете раннем
Первозданный цвет земля.
За околицей — туманы,
В росах матовых поля.
Небо лёгкой позолотой
Красят скрытые лучи.
На футбольные ворота
Собираются грачи.
Им, проснувшимся, неймётся
Видеть рано поутру,
Как пунцовый мячик солнца
Новый день введёт в игру.

***

В сонном воздухе нить паутины,
Словно трещинка в тонком стекле.
Золотые шары, георгины
Мирно нежатся в позднем тепле.

Ни беспечного детского смеха,
Ни задорной вокруг беготни,
Ни весёлого вольного эха
Не услышишь в сентябрьские дни.

Только бабочки кружат над домом.
Только воздух по-летнему сух.
Да как летом плывёт невесомо
Над цветами и травами пух.

***

Листва сирени сочно зелена,
До поздних дней не изменяет цвета.
В окно посмотришь — прежняя она.
И кажется, что за стеною лето.

Зелёный цвет дарит душе покой.
Но стоит только выйти мне наружу,
Как тотчас лес за Гришкиной горой
В окраске жёлто-рыжей обнаружу.

Всё ближе, ближе осени пожар.
Весь в красном сходит вишенник с пригорка.
А то, что я за лето принимал, —
Зелёный куст под окнами, и только.

Свет и тень

Там, где солнце, — разлито тепло
По осенней траве и цветам.
Кто на солнце, тому повезло —
Лето всё ещё царствует там.

Кто в тени оказался — беда!
Грозный холод острее косы:
Прожигают ладошку листа
Леденящие капли росы.

Я в блокнот собираю слова,
Славлю осени светлые дни.
И не слышу, как ропщет трава,
Оказавшись в моей тени...

***

День на исходе, свет идет на убыль.
Тенями разлинована дорога.
Привстав на цыпочки, хотят ещё немного
Цветы и травы солнышка пригубить.

В минуты эти отдыхают люди,
Лучам закатным подставляя лица.
Грач на столбе, задумчивая птица,
К светилу повернулся чёрной грудью.

Пока оно за лесом не пропало —
Спешим попасть в черту тепла и света…
Как будто дня с тобой нам было мало,
Как будто всем нам было мало лета.

Прощальный свет

Тучи хмурые нависли,
Непогоду дождь приносит.
В грусть окрашивает мысли
Переменчивая осень.
Но леса, сады и рощи,
На сквозном ветру сгорая,
На судьбу свою не ропщут,
Веру в солнце не теряют.
Ждут, когда оно пробьётся
И вокруг согреет дали.
В ожиданье долгом солнца
Сами солнечными стали.
В серый день, в тумане волглом
По краям дороги дальней
Источают свет недолгий,
Золотистый свет прощальный.

Скворец

Возле нашего крыльца,
На ветвях корявой груши
Вижу чёрного скворца.
Как люблю его я слушать!

Снова крылышки вразлёт,
Песней горлышко полощет.
Даже если дождик льёт,
Улетать скворец не хочет.

Боевит и голосист,
Он поёт, как пел в апреле.
И слетает жёлтый лист
Под его шальные трели.

Радость бытия

Ненастье отступило, отошло.
Настали дни, один другого краше.
Нежданное и щедрое тепло
Согрело вдруг луга, поля и чащи.

Повеселела стылая земля.
Леса зарделись дымчатым румянцем.
Стоят в аллеях, словно новобранцы,
Подстриженные ветром тополя.

Открылась даль прозрачная для взора,
Своих красот осенних не тая.
И нет в природе скрытого укора,
Есть только радость, радость бытия.

***

От летнего зноя и пыли
Отвыкли люди давно.
Осенние ветры закрыли
Открытое в лето окно.

К уюту жилья привыкая,
В предзимнем домашнем тепле
Мы пасмурным утром читаем
Автограф дождя на стекле.

На листьях — прожжённые пятна
От падавших звёзд по ночам.
Со временем осень понятней
И ближе становится нам.

ОКТЯБРЬ

***

Бросив факельный отсвет в притихшее озеро,
В свой последний и гибельный час
Запылали леса золотисто и розово,
Быть замеченными стремясь.

Каждый кустик и деревце каждое
Нам дарили багрянца узор,
Освещая селенья и склоны овражные,
И далёкий холмистый простор.

До того, как угаснуть, уйти отрешёнными
В белый дым снегопада, в неистовость вьюг, —
Всё кивали цветными горящими кронами
Многочисленным птицам, летящим на юг.

Чтоб не только дожди и туманы холодные
Птицы видеть в дороге могли, —
Но и всю красоту покидаемой Родины,
Светозарной бескрайней земли!

***

Дом отдан в руки гулкой тишине,
Лишён многоголосой шумной речи.
Багровый отблеск солнца на стене
Дрожит и бьётся, словно пламя в печке.
За дверью дождь... Как зябко одному,
Как холодно, когда приходит осень,
Когда душа, не зная почему,
Вниманья и заступничества просит.
На что-нибудь направив долгий взгляд,
Сидишь, молчишь, в одну уставясь точку.
...А влажный ветер разбирает сад
Настойчиво, упрямо, по листочку.

Зелёная звезда

Не долог свет осеннего заката.
Задумчивые сумерки земли
Смягчаются улыбкой виноватой
Лесов багряных, гаснущих вдали.

В венце садов притихшая деревня
Живые звуки ловит за рекой,
Где гомонит грачиная вечерня,
Устраиваясь в роще на покой.

Сырая мгла ползёт широким фронтом
Из каждого овражка и куста.
Подруга вечера — зелёная звезда —
Зажглась, дрожа над стылым горизонтом.

Двойник

Я посмотрел рассеянно в окно,
Где слышалось осеннее волненье,
И было так ненастно и темно, —
Как вдруг своё увидел отраженье…

Двойник нежданный оказался строг.
Очерченный оконным переплётом,
Он предложил мне подвести итог
Моим делам — победам и просчётам.

Вонзив в меня неумолимый взор,
Стал задавать мне трудные вопросы.
Спросил о том, как жил я до сих пор,
Чего достиг, встречая эту осень?

А я не знал, что отвечать ему
На те вопросы, заданные резко.
И горькую, мучительную тьму
Задёрнул торопливо занавеской…

***

За ночь земля листом покрылась палым.
В ненастном небе птиц пролётных нить.
Нас учит жизнь довольствоваться малым —
Тем, что имеем, учит дорожить.

Ещё в душе живёт тоска о лете,
Но осень обживается уже.
И день, и ночь шумит холодный ветер,
Разучивая в рощах букву: ш-ш-ш-ш…

***

Теперь, осеннею порой,
Ещё милее мне земля, —
Когда туманной пелёной
Покрыты хмурые поля,
Когда минорный, серый дождь
С садами шепчется окрест,
Когда чудес уже не ждёшь,
А принимаешь всё как есть.
Как есть в немой дремоте дня —
С застывшим небом, сном дорог,
С намёком дальнего огня
О том… что вечер недалёк.

Журавли

Мерцали уголья, потрескивая сухо,
В них чёрно-алый плавился огонь.
Старик-пастух нам подал знак и к уху
Приставил задубевшую ладонь.
Мы стихли, устремляя к небу взоры.
Был в лёгкой дымке синий небосклон.
Смотрели мы и услыхали вскоре
Неясный звук, что был похож на стон.
Печальные звучали переливы —
Летели в поднебесье журавли.
Их клин тревожный двигался красиво
Над сонными пространствами земли.
Старик смотрел на небо неотрывно,
Седой не опуская головы,
Как будто слушал благовест призывный,
Несущийся из горней синевы.
Вот голос птиц растаял в отдаленье,
А он стоял, картуз держа в руке.
И, видимо, от долгого гляденья
Был след слезы на старческой щеке...

***

Вслед за птицами к югу плывут облака,
Задевая деревьев сутулые кроны.
Ветер листья срывает с кустов ивняка —
Устилает речные затоны.

Неприветлив простор. День, как сумерки, мглист.
Чёрный куст у воды, словно рваная верша —
Бьётся мелкой рыбёшкой единственный лист.
...Да гудят провода по полям безутешно.

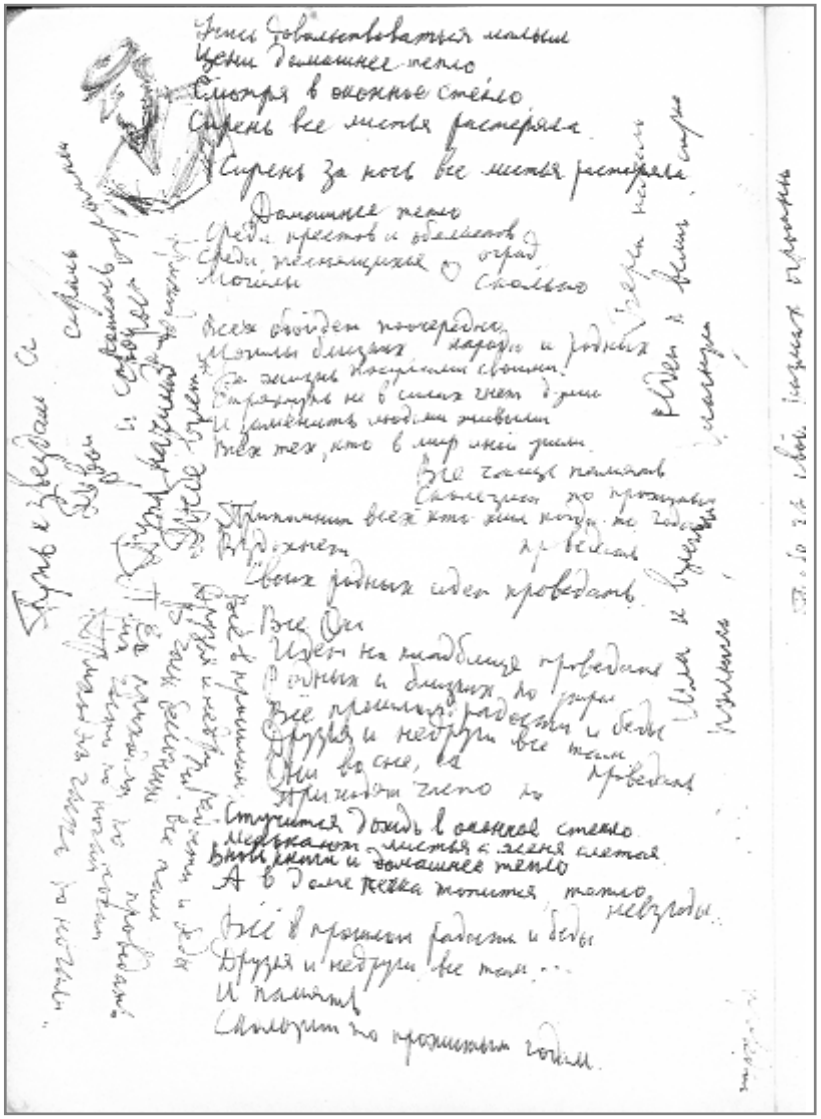
***

Кусты разбрасывают солнце
С листвою мокрой пополам.
Последний лист на ветке бьётся,
Просясь в попутчики к ветрам...

Он ввысь взмывает, словно птица,
Парит в холодной вышине.
С зимою белою боится
Остаться он наедине.

Прощание

Мерцают лужи, небо мглисто,
Исхлёстан мокрым ветром край.
Прощай, соседство чутких листьев,
Соседство вольных птиц, прощай.
Мы жили в мире, жили дружно,
Тепло погожих дней ценя,
Сегодня нам прощаться нужно
Под равнодушным взглядом дня.
До встречи в солнечном апреле!
Когда ожившая земля,
Весне вернувшейся поверив,
Решится всё начать с нуля.



Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

***

Наш сад в оцепенении давно —
Деревья догорели, словно свечи.
Туманом даль задёрнута под вечер,
Как белой занавескою окно.

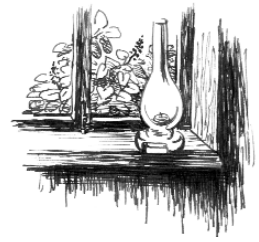
Играет с ветром лист засохший в прятки.
Пучки травы желтеют на меже.
Зимою пахнет в воздухе уже,
Ей скоро наводить свои порядки.

Покончив с неотложными делами,
Последний трактор заглушил мотор.
Ушли машины, замер разговор —
И тишина сомкнулась над полями.

В ожидании зимы

Ручей — и тот поёт вполголоса,
В овраге слышимый едва.
В вечерней мгле, в дождливой мороси
Над стогом кружится сова.

Застыло всё в немой покорности
Перед наплывом ранней тьмы.
Всё белой ждёт определённости,
Всё в ожидании зимы.



НОЯБРЬ

***

Поднимет чайник шум на печке,
Сбив паром крышку набекрень.
В руках умелых ходят сечки —
Капусту рубят целый день.

Со смачным хрустом ребятишки
Грызут на кухне кочерыжки,
Подносят взрослым кочаны,
Работою увлечены.

Слюнявит кот лениво лапу,
В глазах сощуренных — туман.
Рябит окно в накрапах капель,
Как от помех — телеэкран.

***

Стекленеют студёные росы.
Старый ясень скрипит у окна.
Бродит скукою безголосой
По округе родной тишина.

Ни гармошки весёлой, ни песни.
По задворкам сгущается мрак.
Над безлюдною улицей месяц
Выплыл, как вопросительный знак.

Последний дождь

В ненастный день потеют окна,
День тусклым светом в избу вхож.
А за стеною одиноко
Толчётся грустный, поздний дождь.

Он нерешительно и робко
Шуршит, не зная для чего.
Сороки, сев на загородку,
Дремотно слушают его.

Деревья холодно и немо
Застыли, листья растеряв.
И не заглядывают в небо
Глаза цветов и волны трав.

И не найдя нигде привета,
Повсюду встретив пустоту,
Дождь затихает, незаметно
В снег превращаясь на лету.

Огородное пугало

Ветер лист гнилой с дорог сметает —
Отслужило пугало свой срок.
В огород никто не прилетает,
Кроме непоседливых сорок.
Для чего ж стоит оно так стойко
Под дождём и снегом целый день
В выцветшей разорванной ковбойке,
В чёрной старой кепке набекрень?
Вместо рук — обугленная палка,
Вместо ног — воткнутый в землю шест...
Пугало забытое мне жалко.
Долго ли нести ему свой крест?

***

Не слишком ли много для одного
Месяца мая?
Кисти сирени смотрят в окно,
Благоухая.

Ярких тюльпанов живые огни
В комнаты просятся.
Птиц, воспевающих светлые дни,
Многоголосица.

В окна раскрытые льётся тепло,
Дух свежей зелени.
Вот уж воистину повезло
Этому времени...

Месяц ноябрь и раздет, и разут.
Знает заранее,
Что не литавры победные ждут,
А испытания.

Ждёт терпеливо в сгустившейся мгле
Снега, как милости.
Так уж устроено, что на земле
Нет справедливости.

Первый снег

Порхая, весело кружась,
С невнятным шорохом, чуть слышно
Снег опускается на крыши,
На ветки голые и в грязь.

Летят, шурша, вперегонки
На землю трепетные хлопья.
Они принаряжают тропы
На берегу Москвы-реки.

Всё на глазах белеет вдруг,
Всё закружилось в белом танце:
Перроны подмосковных станций,
Поля, посёлки, лес и луг.

От этой белой кутерьмы
Нам никуда теперь не деться.
Снег пахнет беззаботным детством,
Бодрящей свежестью зимы.

Мальчишки шумные у школы,
Забыв про всё — озорники! —
Кидают белые снежки
В игре отчаянной, весёлой.

Их освятив — и плач, и смех —
Своей уверенностью мудрой,
Снег лёг на землю в это утро —
Зимы пришедшей первый снег.

***

Догорает день в костре заката,
Выползают тени на тропу.
Звёзды, словно жёлтые цыплята,
Облаков пробили скорлупу.

Засветились весело и дружно,
Обживая тёмный небосвод.
Яркий месяц засмотрелся в лужу
И вмерзает незаметно в лёд...

***

Еще вчера был праздник листопада,
Осенних дней цветной калейдоскоп.
Светились рощи в дорогих нарядах,
Листом пестрели ленты летних троп.

А ночью буря с рёвом оголтелым
Всё вымела, перевернув вверх дном.
И день в изображенье чёрно-белом
С утра сочится буднично в окно.

Лёг пробный снег, но светлые картины
Погожих дней в ненастье милы мне.
И вспышка голубая паутины,
Став памятью, не гаснет на стерне.

Птицы

Для птиц оседлых дни настали трудные:
Земля ушла под снеговой покров.
В сквозных кустах синицы желтогрудые
Да стайка приунывших воробьёв.

Морозы не нагрянули пока ещё,
Но корм находят и сейчас с трудом.
Снуют, ища надёжного пристанища,
С надеждою заглядывают в дом.

Влечёт он их своим теплом заманчивым.
Стучат в окно: «И мы сюда хотим...»,
Завидуя волнистым попугайчикам,
Как летом те завидовали им.

***

Тусклое небо подёрнуто сном.
Дремлют застывшие ветки.
Белой стеною туман за окном,
Словно бельё на прищепках.

Светится в сумерках выпавший снег,
Теплятся робко окошки.
Птицы под крышей нашли свой ночлег,
Снятся им хлебные крошки.

Все полномочия сдав декабрю,
Осень уходит по снегу.
Тянутся птицы к людскому жилью,
А человек — к человеку.

Зима

ДЕКАБРЬ

***

Опять зима окрестным миром правит,
На время спрятав солнце в сизой мгле.
Она из туч снега переправляет
Девятым валом к стынущей земле.

В молочной дымке зимнего приволья
Холмов далёких белые горбы.
На ватмане белеющего поля,
Как циркули, линейные столбы.

Стоит бурьян в снегу в согбенной позе,
Где были реки — ледяной настил.
У входа в лес склонённый ствол берёзы
Шлагбаумом тропинку перекрыл.

Тишина

Свежесть снега, вкусный запах дыма,
После снегопада — тишина.
Пышными сугробами хранима,
Звуками подчёркнута она:
Загремели вёдра у колонки,
У крыльца лопата заскребла,
Тявкнула и смолкла собачонка
Где-то на окраине села.

Утро

Выходит день медлительно из тьмы.
Проявит свет пейзаж в оконной раме:
На изгороди, ветках, на бурьяне
Лепные украшения зимы.
Над крышами заснеженных домишек
Повсюду вьётся сизой струйкой дым...
И лишь не видно вот уж столько зим
На горке и в овраге ребятишек.

***

В сизой дымке белый сон берёз.
Тусклый свет над белыми снегами.
Неба загрунтованного холст
Низко нависает над полями.

Припушённый инеем бурьян.
Забытьё просёлочной дороги.
Шорох ветра. Дремлющий туман.
Перелесков стынущие ноги.

Лёгкий взмах вороньего крыла.
Лёт снежинок, падающих немо.
Вдалеке, над крышами села,
Чуть оттаяв, розовеет небо.

Зимнее солнце

На улице нашей прохожие редки.
Сады цепенеют в морозном дыму.
С кормушкою куст распушился наседкой,
Слетаются мелкие птицы к нему.

А солнце, короткий свой день завершая
(Нас летом оно согревало с тобой),
Сегодня закатным, краснеющим шаром
Повисло само над печною трубой.

***

Эти тучи мышиного цвета,
Этот жёлтый холодный закат
В толчее городской неприметны,
Их едва замечает твой взгляд.

Но за городом в белой пустыне,
Средь холодных тоскливых равнин
Как тревожно остаться с ними
На дороге — один на один.

***

Скука зелёная — это еще ничего,
Скука зелёная — это терпимо вполне.
Мягким ковром у порога растёт моего
Травка зеленая. Листья сирени в окне.

С жёлтою скукой бороться куда тяжелей.
Светится кротко водой отражённый закат.
Жёлтая осень. Под гнётом ветров и дождей
Листья и птицы в одном направленье летят.

Белая скука короткого зимнего дня.
Снег на ветвях, на поверхности мёрзлых перил...
Белая скука страшит и пугает меня.
Чтоб одолеть одному её, хватит ли сил?

ЯНВАРЬ

***

Как струны потревоженной гитары,
Гудят столбы и стонут провода.
Слова людей в клубах густого пара.
Скрипучий снег. Большие холода.

Дымы из труб поднялись над деревней,
Печным теплом в сквозную синь дыша.
Как будто это сгубленных деревьев
На небо устремляется душа...

Глухозимье

Белых дней непробудная дрёма.
Отрешённость застывшего сада.
Вновь за стенами отчего дома
Наступила пора снегопада.

Глухозимье. На сонную землю
Снег летит день и ночь неустанно.
Под покровом заснеженным дремлют
Перелески, поля и поляны.

Сверху падают белые точки,
На лету успевая кружиться.
А на ветке зелёным листочком
До весны притаилась синица.

Звезда

Когда погаснут краски дня,
Растают звуки в тишине,
Надеждой радужной маня,
Она встаёт в моём окне.

Дрожа над стылым январём,
Смотрясь в притихший летний пруд,
Горит глубинным янтарём,
То вспыхнет, словно изумруд.

Моя вечерняя звезда,
Не отводя влюблённых глаз,
Тобой любуюсь я всегда,
Хотя и думаю подчас:

Что, если кто-нибудь другой,
Чувств сокровенных не тая,
Своей единственной звездой
Тебя считает, как и я?

***

Я растоплю дыханьем наледь,
Прильну к оконному стеклу —
И белый мир глазам предстанет
Волшебной сказкой поутру.

В сугробы вставлены у дома,
Как в вазы, стылые кусты,
На ветках дымкой невесомой
Застыли инея шипы…

Колотушка

Висит в чулане колотушка,
Покрывшись пылью на стене.
А ведь её когда-то слушать
Ночами доводилось мне.
Сквозь сон, по-детски безмятежный,
Сквозь тишину и вопли вьюг,
В своей постели сладко нежась,
Её я слушал мерный стук.
Укрывшись тёплым одеялом,
В сон погружался, как в туман.
А колотушка всё стучала,
Храня покой односельчан.
Так ночь за ночью, год за годом,
До безупречности точна,
Под блеск луны и в непогоду
Стучала, бодрствуя, она…
И вот теперь в чулане тёмном
Висит забытой много лет.
А мой отец, наш сторож скромный,
Давно покинул белый свет.
Но, отрываясь от подушки,
Я и поныне слышу вдруг
Знакомый голос колотушки.
А может, это — сердца стук?…

***

Были крыши, крытые соломой,
Огородов рваные плетни.
Но вилась тропа от дома к дому
Ниточкой связующей в те дни.

Как к родному, шёл сосед к соседу,
Свет коптилки увидав в окне.
Чтобы вечер скоротать в беседе,
Чтоб с нуждой не быть наедине.

Все теперь одеты и обуты.
Жизнь в деревне — с прошлой не сравнить.
Только вот порвалась почему-то
Тропки той связующая нить.

Сказки города

По горизонту длинной опояской
Синели прежде дивные леса,
В душе ребёнка пробуждая сказку
И веру в колдовские чудеса.

Но время движется неумолимо.
Где мир лесов? Его не скрыл туман —
Он отступил, со всех сторон теснимый,
И вышел город на передний план.

И, завладев окрестной далью прочно,
Стал главною приметой наших дней.
Сегодня он рассыпал в сумрак ночи
Цветное многоточие огней.

Он протянулся длинной опояской,
Домами упираясь в небосклон.
Какие тайны и какие сказки
Душе ребенка открывает он?

Тройка

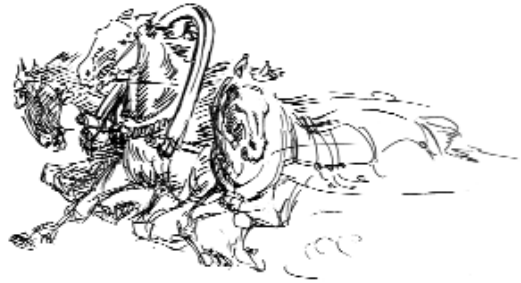
Мне снег слепит глаза до боли,
Искрится солнечный простор.
Но слышу ясно: где-то в поле
Рокочет трактора мотор.

Наполнив дом звенящей мощью,
Над крышей нависает «ТУ».
Сверхзвукового белый росчерк
Упрямо лезет в высоту.

Дрожат от гула космодромы
Нутром предстартовых ракет.
Всё так привычно, так знакомо,
Вот только тройки русской нет.

… Но красоты её чудесной
Не позабыть. Взметая снег,
Она в стихах и русских песнях
Свой продолжает славный бег.

Несётся тройка удалая.
Дороги зимней нет конца!
И колокольчик — дар Валдая —
Волнует музыкой сердца.



ФЕВРАЛЬ

***

Стоят леса — черны и хмуры,
Кольцом снегов окружены.
Царит затишье перед бурей,
Пред бурным натиском весны.

Галдит в саду воронья стая,
Да одинокий самолёт,
Покой земли не нарушая,
В немом безмолвии плывёт.

Метель

Побежала позёмка под вечер,
Как бикфордов дымящийся шнур.
Чтоб взметнуться, завихриться смерчем
Над оврагом, где день потонул.

С грозным гулом ветра налетели —
Растолкали, раздули снега.
Захлестнули арканом метели
На туманных просторах стога.

В нашем доме душно, как летом,
Глушит гул непогоды стена.
Только стрелкой спидометра ветка
Ходит в чёрном проёме окна.

Февраль

После метелей вернулось затишье,
В сердце моём улетучился страх —
Звонкое небо держит над крышей
Тополь на вытянутых руках.

Сад отдыхает в безмолвии белом,
Тени бросая на солнечный наст.
Бойкой синице молчать надоело —
Песней решила порадовать нас.

Преобразила весна голубая
В белых сугробах увязшую даль...
И стал мне милей соловьиного мая
Воспетый зелёной синицей февраль.

***

Ещё в саду царит покой.
Здесь чистый снег теплом не тронут.
Но возбуждённо день-деньской
Весне сорока бьёт поклоны.

Под птичий гомон видит сны
Согретый солнцем переулок.
В подойник чуткой тишины
Капель срывается с сосулек.

***

Тускнело в пять часов окно —
А дни на убыль шли и дальше.
В ту пору голосом упавшим
Шептали мы: «Уже темно...»

С тех пор не много дней прошло.
Темнеет в пять, но время — в гору.
И прежде чем задёрнуть штору,
Мы говорим: «Ещё светло!»

***

Оглянешься с вершины февраля —
Увидишь дней унылых вереницу,
Под низким небом тихие поля,
Глухих ночей белёсые глазницы.

Вперёд посмотришь, замедляя шаг, —
Весна предстанет радостному взору.
И ты вдыхаешь воздух жадно так,
Как будто только что поднялся в гору...

***

День с утра звенит синицами.
Крыши — ветром отутюжены.
Сад ветвями, словно спицами,
Из снежинок вяжет кружево.
Солнца нет, но поле светится
Серебристою порошею.
Смотришь вдаль — и сердцу верится
Снова в светлое, хорошее.

***

Улеглись снегоносные бури.
Обозначились дали ясней.
Вот и дожили мы, дотянули
До весёлых, улыбчивых дней.

Нелегки были зимние вёрсты,
Одолеть их сумели не все.
Это очень не просто, не просто —
Восхождение к новой весне.

От недуга она не излечит,
Юных лет нам назад не вернёт.
Но ручьи, как и встарь, залепечут,
И скворец у крыльца запоёт.

Ты на жизнь понапрасну не сетуй.
Солнце, встав в голубой вышине,
Одаряет живительным светом
И тебя, и других — наравне!

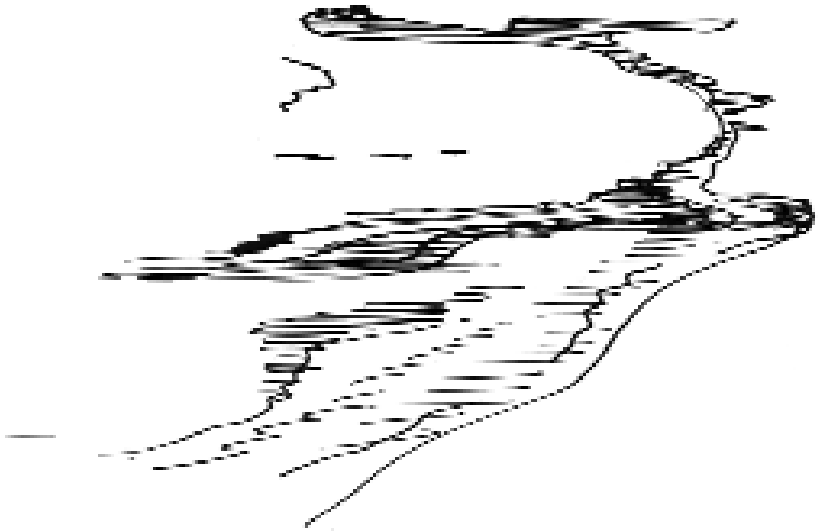
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однообразием греша,
Пишу с упрямым постоянством
О том, как лечится душа
Земным разбуженным пространством,

О счастье видеть и шагать
Цветущим лугом по тропинке,
О том, как сердцу дорога
Лесная даль в зелёной дымке.

Ведь эти светлые леса
И эти дымчатые дали
Мне были с детства, как друзья,
И никогда не изменяли.

Из рабочих тетрадей



<Весна света>

Горизонты снежные полны
Голубой и звонкой тишины.

<Сосульки>

С карниза
свисают
наплывы
сосулек.

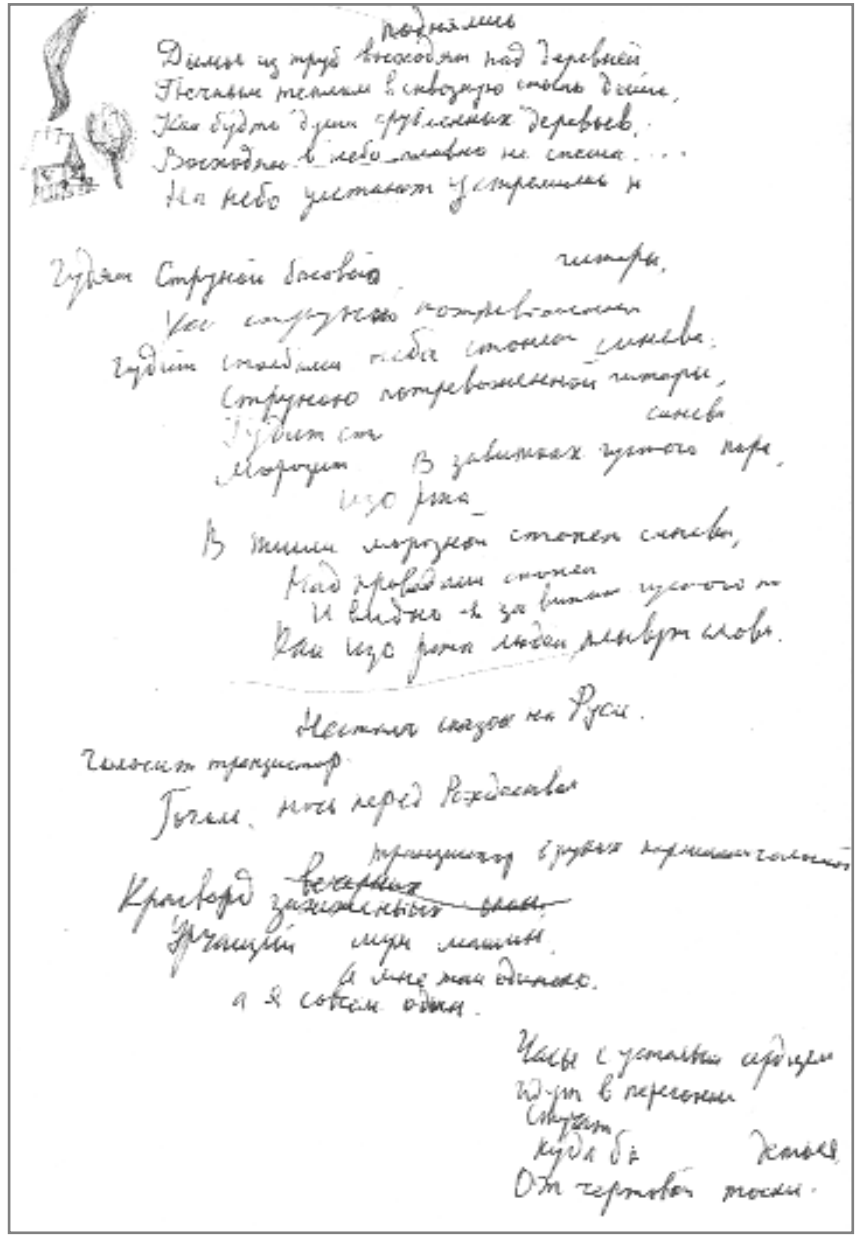
Их
солнечный луч
зажигает,
как свечи.

<Вот так чудо... >

Ко мне
из клубка большого сугроба,
На свет выбегает
журчащая нитка.

<Пейзажная зарисовка >

Над мартовскою рощею —
грачиный фейерверк.
В сырых полях —
ручьёв скороговорка.
Обёрточной бумагою
с земли сползает снег,
Местами обнажив
клочки пригорков...



Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

<Глаза земли>

Вечером в синие талые лужи
Уронят мерцающий свет фонари, —
Как будто земля пробудилась от стужи,
Открыла глаза и глядит изнутри.

<Живой радиоприёмник>

Однажды тихим ранним утром
На нашей старой груше у крыльца
Скворечник захрипел, как репродуктор —
В него вселились шумных два скворца.

<Птица-Весна>

И будь ты запертый в темнице
За толстой каменной стеной,
Ты всё равно услышишь птицу,
Что называется Весной.

<Жаворонок>

Он звенел и радостно, и смело
В небе над полями каждый день.
Но однажды вихрем налетела
На певца стремительная тень.

Где-то во дворе квохтали куры,
Воробьи шумели средь ветвей...
...Чтобы петь в сияющей лазури,
Надо жизнью рисковать своей!

<Одуванчики>

Солнце ласкало зелёные дали.
Птиц доносились весёлые трели.
Не было горя, тоски и печали.
Так отчего же они поседели?

<Лето>

Пахнут сеном высохшим кюветы,
Заглушая пряностью бензин.
В бликах солнца ласковое лето
Расплескалось зеленью равнин.

<Рыбалка>

Вода слепит бегущей рябью мелкой.
Сидит мальчишка с удочкой в руке.
И стрекоза, как компасная стрелка,
Вращается на чутком поплавке.

<Безмятежность>

Такая в мире безмятежность,
Так солнце плавится в окне,
И щебет ласточки так нежно
Звучит в полдневной тишине!

<Речка>

Петляет речка торопливо
В пологих узких берегах.
Шатром над ней склонились ивы,
Леса густые — в двух шагах.

Она ведёт нас к копнам сена,
В безбрежность жёлтого овса…
И вновь, как занавес на сцене,
Сомкнулись сонные леса.

…Когда же путь наш разойдется,
Она блеснёт последний раз
Плотвой изогнутой на солнце —
И тотчас скроется из глаз.

<Ночные бабочки>

Замелькают, слетясь, в освещённом магическом круге.
Возле лампы настольной кружатся, толкают друг друга.
Утомившись, на скатерть опустятся возле руки.
Неподвижно замрут — грациозны, волшебны, легки.
Я смотрю зачарованный, книгу листать забывая.
Разве это не чудо — коллекция в доме живая?!

<Незнакомка в автобусе
или
Любовь с первого взгляда>

Как электрическим разрядом
Меня ударило сначала,
Когда она на остановке
Мой взгляд восторженный поймала.

Автобус тронулся. Не в силах
Молчать — кричу: «Какая жалость!...
Она же пальчиком крутила
Там, где висок… И улыбалась.

<Скоро осень>

Сгорает лето в сполохах зарниц,
Давно в лугах не хаживали косы.
Семейство непоседливых синиц
Из леса в сад вернулось. Скоро осень.

<Неожиданный итог>

Бежала речка налегке,
Имела собственное русло.
Но вот пришла к большой реке —
И почему-то стало грустно.

<Рожь>

Есть слова, как длинный поезд,
Букв растянутый прицеп.
Я же ёмкое, скупое
Выбрал слово, это — хлеб.

…Под высоким синим небом,
Где простор со всех сторон,
Рожь, вытягивая стебли,
На ветру роняет звон.

Жёлтым светится загаром,
Дышит пряной теплотой.
Человек её недаром
Называет золотой.

И хотя не только хлебом
Жив на свете человек,
Под высоким синим небом
Колоситься ей вовек.

<Небо>

Люблю смотреть на небо часто
В рассветный час, в погожий вечер.
Но больше предзакатным часом
Любуюсь им. Оно — как вечность!

<Шофёр и Осень>

Вдоль подмосковного шоссе
Во всей торжественной красе,
В пунцово-жёлтом блеске —
Леса и перелески.

Во время быстрого пути
Глаз невозможно отвести
От зрелища такого.
Застряло в горле слово.

Шофёр — практичный человек.
Ему машины лёгкий бег
Милее всех пейзажей.
Восторгов наших даже.

И мы с отчаянной мольбой
Ему кричим наперебой:
«Шофёр, голубчик, просим —
Сверни с дороги в осень!...»

<Озерцо>

В зелёном обрамлении осоки,
От ветра спрятав в камышах лицо,
Глядит на мир с пытливостью глубокой
Болотное глухое озерцо.

В его глазах кустов прибрежных зелень,
Осенних зорь холодная тоска
И медленно плывущие без цели
Расцвеченные солнцем облака…

<Почему?>

Я к одиночеству привык —
Мне ль одиночества бояться.
Среди своих любимых книг
Я буду плакать и смеяться.

Среди лугов и рощ густых
Я звонко радоваться буду.
…Но почему тогда от них
Спешу навстречу к людям, к людям!?

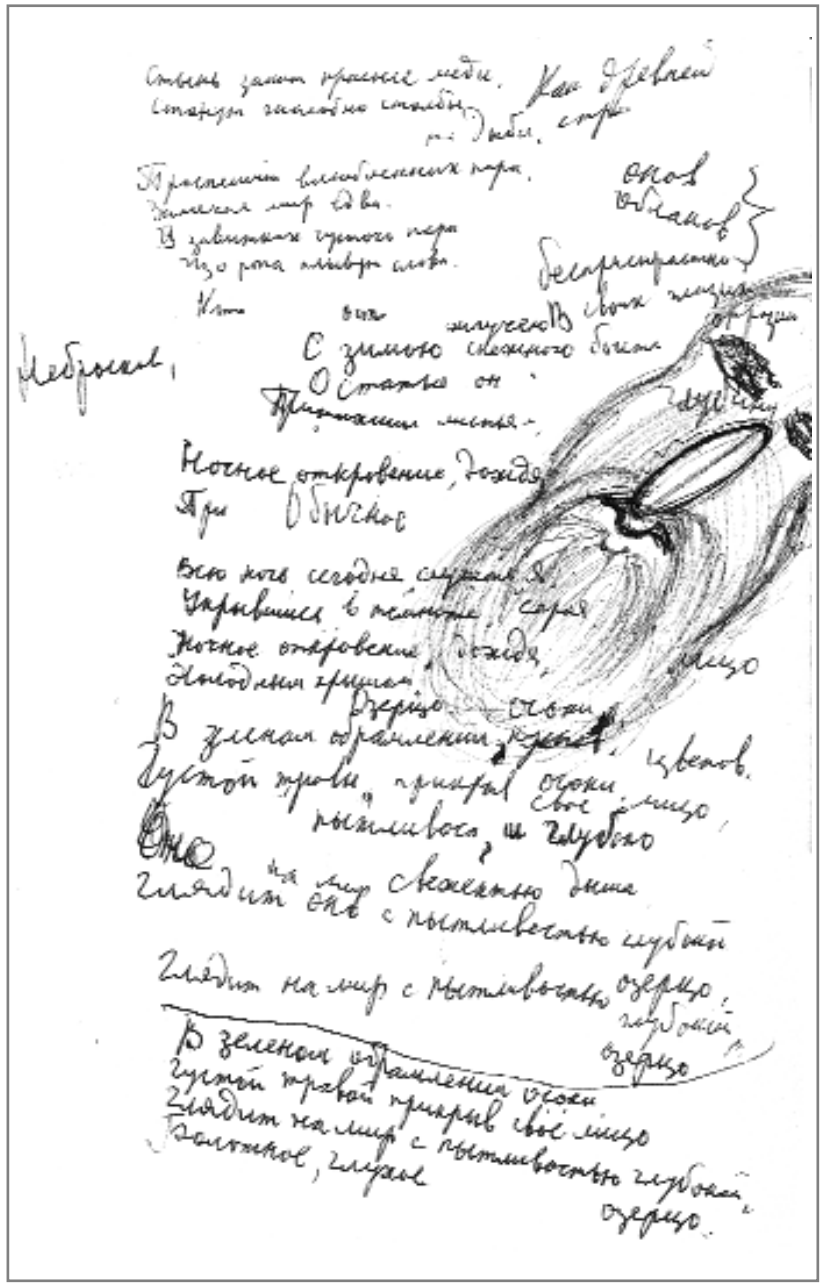
<Осенний почтальон>

Облетают с веток листья,
Глаз лаская разноцветьем.
Эти листья, словно письма,
Сортирует вольный ветер.

Он, играючи, разносит
Их по разным адресатам:
По полям и по откосам…
По рассветам и закатам…

<Усталость>

Шурша листвой, брожу весь день по саду.
В душе усталость, горькая обида:
Я одинок, мне ничего не надо…
Какой туман — тропы и той не видно.



Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

<*В лесу*>

Вдоль узких тропинок, вдоль дымчатых просек,
Где небо на землю струит синеву,
Без сожаленья красавица осень
Холодным огнём запалила листву.

<*Таков человек* >

Хоть птицами, что пробуют крыло,
Рассветный воздух, словно лёд расколот,
Мы верить не хотим в грядущий холод.
Мы слепо верим в позднее тепло.

<*В вагоне*>

Вороньи стаи с полем неразлучны,
Взлетев, садятся снова на жнивьё.
Плывут поля, плывут крутые тучи,
Не трогая внимание твоё.

Унылый дождь, размытые дороги,
Пустой разъезд, потухшие кусты,
Седая мгла… И ты невольно вздрогнешь,
Как будто здесь остаться можешь ты.

<*Ветер*>

В больничный сад окно:
Терзает ветер грушу.
С листвою заодно
Вытряхивает душу…

<*Лист*>

Бьётся лист, как маятник на ветке,
Время отмеряя на весу.

<*Небесные часы*>

Круг луны над тёмным гребнем сада
Золотится, словно циферблат.

<*Пора на юг*>

На полях густеют зеленя,
Дышат они свежестью предзимней.
И летят в промозглой дымке дня
Стаи птиц. Всё мимо, мимо, мимо…

<*Вороны*>

Вороны сидят,
проводив журавлей,
На высоких столбах,
неподвижно,
как судьи.

<*Румянец земли*>

Пашню плуг поднимает вдали,
Сад чернеет ветка за веткой, —
Сходит зелень с лица земли,
Как румянец с лица человека.

<Дельцы>

Среди хапуг, дельцов самодовольных
Я становлюсь ничтожным и пустым.
Они мою парализуют волю,
Кичатся положением своим.

Они судачат с лёгкостью небрежной
О том, о сём, — гордыня в них крепка.
Их сытая, тупая безмятежность
Ничем не омрачается пока.

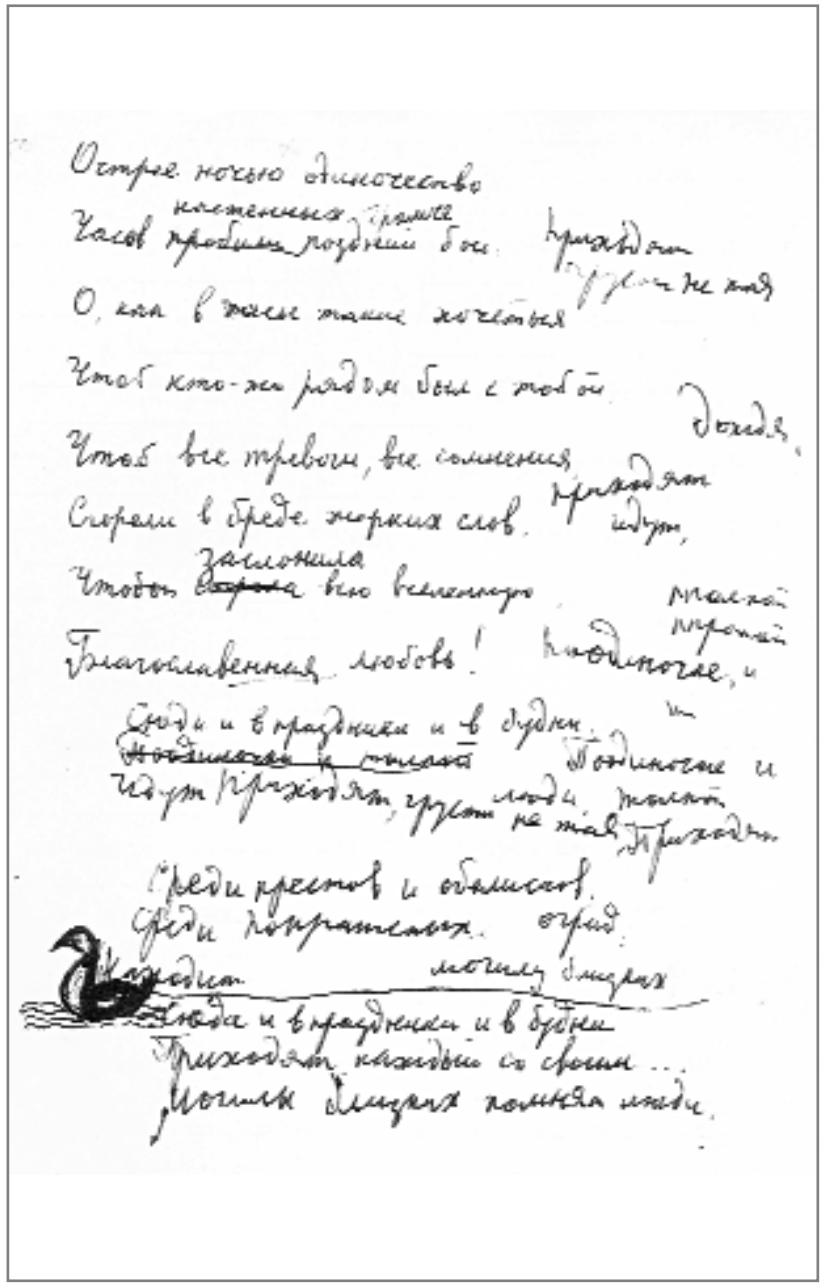
<Осенняя зарисовка>

Янтарным отсветом заката
Мерцают лужицы дорог.
Похож на стрёкот автомата
В ольхах горячий спор сорок.

К полям, безмолвием объятым,
Простёрта сумерек рука.
Как самолёты на посадку,
За лес уходят облака.

<Снег>

Ну что ж ты, снег, такой несмелый?!
Смелее падай, не робей.
Укрой поля холстиной белой,
Сады укутай до ветвей.


Острое ночью одиночество
Часов пробивших поздний бой. Приходит
О, как в часы такие хочется
Чтоб кто-то рядом был с тобой
Чтоб все тревоги, все сомнения
Сгорели в бреде жарких слов.
Чтобы ~~скрыла~~ заслонила всю вселенную
Благословенная любовь!
Среди и в праздники и в будни
~~Подиночке и стоит~~ Одиночке и
Идут Приходят, грустят люди, полны
Среди крестов и обелисков.
Среди покрытых огрид.
Кладбищ могилу дмирах
Сюда и в праздники и в будни
Приходят каждый со своим...
Могилк дмирах полная люди.

Страница из рабочей тетради Евгения Зубова

<Сердце>

На отдых стал последний пароход,
Под толщей льда заснули тихо реки.
И только сердце, сердце человека
Волнуется и бьётся круглый год.

<Художница Зима>

Повсюду белые пунктиры
Перечеркнули хмурый день.
Запахло свежим снегом в мире
Родных полей и деревень.

От быстрых маленьких снежинок —
Вмиг стало всё вокруг светло.
Зима осенние картины
Переписала набело.

<Накануне>

Накрапы белого зазимка
Лежат на крышах, на земле.
Приводит каждая тропинка
Нас безошибочно к зиме.

<Тополь-лыжник>

Лунные ночи, морозные ночи.
Сизых теней полумрак.
Тополь стоит на бугре, словно хочет
Съехать на лыжах в овраг…

<Дымы>

Над заснеженной деревней,
Над просторами зимы
Встали кронами деревьев
В небе гаснущем дымы.

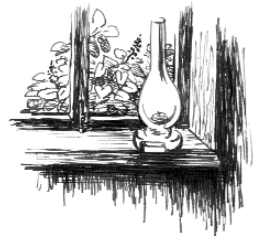
<Свет сугробов>

Синие сумерки ранней весны.
В окнах огни засветились повсюду.
Но еще долго за окнами будут
В свете сугробов предметы видны.

<Пора цветенья>

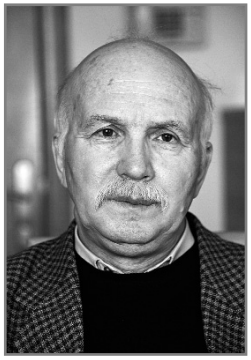
Пора цветенья — головокруженье,
Восторженность, растерянность, печаль.
На празднике земли сегодня жаль
Мне потерять хотя б одно мгновенье.

Как в сказочной стране в конце пути,
К сокровищам открыв случайно двери,
Гляжу на них, взволнован и растерян,
Не в силах всё с собою унести.



Послесловие

Есенин Видновского края



Однообразием греша,
Пишу с упрямым постоянством
О том, как лечится душа
Земным разбуженным пространством.

Ведь эти светлые леса
И эти дымчатые дали
Мне были с детства как друзья
И никогда не изменяли.

Евгений Зубов

Прошло 15 лет со дня смерти нашего замечательного земляка Евгения Петровича Зубова (1942–1996). Как малая частица природы, её искренний и преданный певец ушёл в ночь, когда июнь по заведённому порядку сдавал июлю свои права. Ушёл, чтобы подобно зиме, весне, осени и лету вновь и вновь возвращаться к нам звучанием голоса, выражением лица, строчками стихов.

Большое видится на расстоянии. И сегодня уже многим ясно, что Зубов сумел сказать в поэзии своё особое слово, создав яркую лирическую книгу о временах года, в которой извечный безостановочный круговорот в природе, движение окружающей жизни и состояния человеческой души образовали органическое художественное целое.

Стихи Зубова сродни дневниковым заметкам. Из них можно узнать, когда в средней полосе России начинают таять снега, раскрываются первые почки, гремят первые грозы, какой бывает пора листопада, как короток зимний день. Но это не фенологические наблюдения. В вершинных своих творениях Евгений Зубов предстаёт перед читателем достойным продолжателем поэзии Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Кольцова, Фета и Бунина, Есенина и Рубцова, как и они, сумев с необычайной силой запечатлеть радостный и одновременно трагический смысл человеческого бытия.

И, думается, уже недалёк тот день, когда в школах Ленинского района наравне с признанными классиками отечественной литературы начнут изучать и наследие своего земляка, подарившего читателям золотую россыпь изумительных по красоте образов, удивительно искренний и светлый мир не склонившейся перед обстоятельствами души.

Детство и юность

Евгений Зубов родился в деревне Мисайлово, в семье типографского рабочего. Шёл март 1942 года. Война, в которую была ввергнута страна, испытывала окрестных жителей смертью и голодом. Перед самым появлением поэта на свет фашистские бомбардировщики сбросили недалеко от деревни шесть бомб. К этому времени в зубовской избе всё было подъедено, даже картошка. Хорошо, что осенью на соседнем колхозном поле она осталась неубранной, и хозяйка дома Валентина Васильевна Зубова с ребёнком под сердцем могла, разгребая снег, извлекать картофельные клубни из мёрзлой земли и печь лепешки. Также семью выручала рабочая карточка Петра Яковлевича, отца поэта, который получал по ней хлеб и отвозил его жене и детям.

Зоя Петровна, старшая сестра Евгения Зубова, вспоминала, как 5 апреля 1942 года, в Пасху, когда везде ещё лежал снег, на санях привезли Валентину Васильевну с новорожденным из мисайловской больницы, как внесли младенца в избу, положили на кровать, а потом стояли и плакали, не зная, как его получше устроить и чем кормить. «Была у нас коза, но молока она давала немного. У мамы тоже молока было мало, и оно вскоре кончилось. Вот мы на ручных мельницах мололи зерно, добавляли в него немного молока и этой смесью кормили Женю» (З.П.Зубова).

Впрочем, голодное военное и послевоенное время на здоровье Зубова никак не отразилось. В детстве он выглядел здоровяком. Болел редко. Зимой катался с горок на самодельных лыжах, сделанных из решета и доски. Летом плавал в пруду, много гулял по лесу. Особую радость доставляла рыбалка, к которой он с друзьями готовился заранее: намечали место, проверяли удочки, запасали приманку, копали червей.

Валентина Васильевна и Петр Яковлевич Зубовы, мать и отец поэта

Ещё до школы проявилась необычайная любознательность мальчика. Однажды он набил портфель учебниками сестер,

и (совсем как герой рассказа Льва Толстого Филиппок) явился в школу. Учительница Надежда Ивановна потом часто вспоминала: «Дверь открывается, а на пороге Женя с большим портфелем. Посадила я его за парту. Он сел и слушает».

После этого случая отец стал учить сына буквам, и скоро тот пристрастился к чтению. Благо у Зубова-старшего, большого книгочея, всевозможными изданиями был завален весь чердак. В огромных сундуках лежала масса дореволюционных книг и журналов: «Нива», собрания сочинений Загоскина, Боборыкина, произведения Достоевского, Чехова, а также других русских классиков.

В мисайловской начальной школе Евгений был на хорошем счету и после её окончания продолжил учёбу в школе-семилетке села Молоково. Вместе с другими ребятами добирался до соседнего села, как тогда говорили, «пешкодралом». Зимой это было сделать не так легко. Валенки (бог знает какие) на ноги — и в путь. Иногда, случалось, кто-нибудь подвозил. «В эти годы уже требовалось иметь школьную форму. Но мы жили небогато, и брат носил вместо школьной формы служебный китель нашей сестры Нади, работавшей в сберкассе» (З.П.Зубова).

Лучше всего в школе ему давалась литература. Как-то на одном из родительских собраний учительница сказала: «Женя ваш — гений! Только у него орфография страдает. А сочинения он пишет прекрасно».

Учительница Мисайловской начальной школы Александра Ивановна Петухова и Женя Зубов (первый слева во втором ряду). 1950.

К этому периоду относятся и первые стихотворные опыты Зубова. «Какие-то прибаутки брат сочинял девчонкам чуть не в первом классе, — отмечала Зоя Петровна. — Ещё произносил интересные речи. Его с удовольствием слушали мальчишки у окна и смеялись». Взрослые видели, что Женя начитан гораздо больше сверстников.

А вот как о деревенской жизни и поэтических опытах Зубова вспоминает друг его детства Анатолий Рябкин: «Летняя работа на колхозных полях и приусадебных участках родителей чередовалась у нас с играми, лазанием в чужие сады за яблоками (которые, конечно же, вкуснее, чем свои). Наши забавы носили безобидный характер, и взрослые относились к ним терпимо: иногда драли, но не очень больно. Видимо, мы напоминали им их самих в юные годы.

В нижнем пруду в хорошую жаркую погоду устраивались соревнования, кто быстрее проплывёт или кто дальше нырнёт под водой, нам нравилось играть в футбол, волейбол. Естественно, во всех этих забавах активное участие принимал и Евгений. Особое место в нашем времяпрепровождении занимала рыбалка. Сбор всей рыбацкой команды происходил у дома Зубовых. В ожидании утра слушали старенький радиоприёмник Евгения: музыку, последние известия, а порой удавалось поймать «Голос Америки». Иногда часы до утренней зари мы коротали в стогу сена на колхозном поле. За разговорами и спорами время летело быстро, порой, увлёкшись, мы забывали, зачем собрались.

Тогда я впервые и услышал стихи своего друга, в которых с юмором описывались наши приключения, наша деревенская жизнь. Женя был прекрасным рассказчиком».

В старших классах, по словам двоюродной сестры поэта А.Стручковой, Женя с ней бегал в мисайловский клуб, где танцевали под аккордеон, или, бывало, разгуливали по ночной деревне с колотушкой. В это время отец Зубова работал сторожем. «У дяди Пети имелась такая колотушка с бобышкой на кожаном ремешке. Он идёт, а колотушка болтается, и ты слышишь: «тук-тук, тук-тук». Когда мы приезжали на каникулы, то говорили: «Дядя Петя, отдыхай, а мы посторожим». И потом ходим туда-сюда и стучим всю ночь» (А.Стручкова).

После окончания семилетней школы в Молокове Зубов, решивший пойти по стопам отцам, поступает в московское художественно-полиграфическое училище № 3 на Семёновской улице. И в связи с этим переезжает в Москву к старшему брату Анатолию. «У Анатолия была хорошая комната около Курского вокзала. В ней жили — он сам, его же-

Анатолий Зубов (стоит), Зоя Зубова с племянником Володей Кругловым. Ниже слева направо – Боря Соляник, Лида Зубова, Лёня Соляник и Женя Зубов. Мисайлово. 8 июля 1954

на, двое детей и Женя. Потом Анатолий с семьёй получили отдельную квартиру, и Женя остался один» (З.П.Зубова).

Об этом периоде жизни поэта мы знаем очень мало. Нам не известно, чем он занимался в часы досуга, что читал, какие музеи и театры посещал и что видел. А.Стручкова вспоминает только, как в дни Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который проходил в 1957 году, они с Евгением много бродили по Москве. Побывали на Красной площади, где, по её словам, было очень многолюдно и интересно.

Болезнь

Болезнь к Зубову подступала исподволь, постепенно. Первые лёгкие проявления мышечной дистрофии ног были отмечены ещё в школе. В пору учёбы в полиграфическом училище слабость в ногах заметно возросла, а когда Зубов начал работать в типографии, ему стало совсем худо. Вот надо ещё вчера беззаботно-здоровому пареньку подняться по лестнице, а даётся ему это с большим трудом. Требуется перешагнуть порожек или

быстро поднять руку, но легко, как прежде, он сделать это не может. Если опустится на стул, то встаёт медленно, напрягая все силы. «Однажды я стала свидетелем того, как брат садился в автобус. Это было у Молоковского поворота на Каширском шоссе. Я находилась в автобусе, а Женя стоял на остановке. Видела, как он ждал, пока все войдут, и только потом сам схватился за поручни. Со стороны можно было подумать, что в автобус лезет пьяный человек. Никто из протиснувшихся в салон брату прийти на помощь не захотел. И я тоже, из-за того, что автобус был переполнен людьми, не имела возможности помочь ему. Только заплакала, — так мне его стало жалко» (Р.П. Круглова, сестра поэта).

Юноша понимал, что с ним творится что-то неладное, однако ни родным, ни друзьям очень долго ничего не говорил. Тайна открылась в Мисайлове совершенно случайно. «Выхожу я как-то в сени, где у нас находилась лестница. И вижу: Женя лежит у этой лестницы — свалился. Оказалось: в типографии он работать не может, в Москву не ездит — и все последние дни проводит на чердаке» (З.П. Зубова).

Родные без промедленья отвезли Евгения в Боткинскую больницу, где вынесли вердикт: болезнь неизлечима. Сказали, что с таким заболеванием живут лет до тридцати. Совсем ещё молодого человека перевели на инвалидность. Одновременно медики пробовали бороться с недугом, но выходило только хуже. После сеансов терапии в одной из столичных институтских клиник у Евгения заболела печень, начали выпадать зубы. Позже он говорил: «Меня здесь только изуродовали».

Женя Зубов после поступления в художественно-полиграфическое училище. 1957

Пока оставалась надежда на выздоровление и была возможность передвигаться самостоятельно, Зубов жил поближе к врачам — в бывшей московской комнате брата на пятом этаже (по месту прописки). В это время присматривала за ним старшая сестра. «Моя работа была связана с разъездами. Если я оказывалась в Москве, то обязательно заглядывала к Жене, чтобы покормить его, а затем возвращалась на Коксогазовый завод. Вечером снова

проведывала брата и ночевала у него. Утром просыпалась в шесть часов и отправлялась от брата на работу» (З.П. Зубова).

После того, как Евгений не смог самостоятельно выходить на улицу и затем возвращаться к себе на пятый этаж, у него поселилась мать. А когда стало окончательно ясно, что доктора не в силах остановить развитие болезни, родные перевезли его из Москвы в Мисайлово. «Здесь, — рассказывала Зоя Петровна, — брат крапивой просил меня сечь ему спину. Ложился, и я секла его крапивой».

Но и народные средства также не привели ни к какому положительному результату. Дистрофия мышц нарастала неотвратимо. Сначала Зубову удавалось ходить пусть не быстро, но довольно далеко. Например, в лес. Потом сил хватало лишь для того, чтобы выйти за околицу. Когда падал — поднимался долго и с большим трудом. Постепенно вся жизнь ещё совсем молодого человека сосредоточилась в пределах двора.

Зиму Евгений проводил в родительском доме. А в летний период местом проживания его становились прилепленная к тыльной стороне избы небольшая пристройка — «домушечка» да сад, где сын Зои Петровны Борис смастерил скамейку и столик.

Годам к сорока стали плохо слушаться пальцы рук, и Зубов начал есть не из тарелки, а из большой чашки. Последние шесть лет он прожил, не вставая с постели, в окружении книг, в горнице за сооруженной для него выгородкой. Слушал радио, а телевизор смотрел через специально поставленное зеркало, в котором отражался экран.

К собственной беспомощности, мелочной зависимости от других людей Зубов привыкал тяжело и долго и до конца так и не привык. Всегда старался сделать так, чтобы посторонние не видели его слабым и немощным. «Я хорошо помню, как брат проходил комиссию по инвалидности. Это было страшным мученьем. Отвозил его Борис, мой сын. Женю из машины он вытаскивал на руках. Вот Боря вытащит Женю, поставит на ноги — и Женя стоит, не двигается, пока не останется один. Очень стеснялся своего положения» (З.П.Зубова). Нечто подобное происходило и когда члены районного литературного объединения приезжали к нему в гости. Шкулёвцы заходили не сразу, а довольно долго не входили в дом, ждали, когда поэт займет свой «пост» в большой комнате.

К мукам, связанным с телесным недугом, прибавлялись муки душевные. И Зубову понадобился не один год, чтобы найти себя в новых условиях существования, выработать устремлённую в будущее позитивную философию нового земного бытия.

Впоследствии поэт напишет стихотворение «Угол», из которого можно понять, каким образом он решил противостоять болезни.

Если злая судьба загнала тебя в угол,
Оттесняя от жизни в унылую мглу,
Как бы ни был ты слаб, как бы ни было туго,
Постарайся обжиться и в этом углу.
Постарайся его осветить ярким светом,
Напряжением воли, работой ума,
Незакрытою дверь оставляя при этом,
Чтобы жизнь заглянула в твой угол сама.

В окружении родных и близких

Годам к двадцати пяти молодой паренёк сумел «обжиться» в уготованном судьбой «углу», действительно наполнив его «ярким светом, напряжением воли, работой ума». Произошло это, прежде всего, благодаря родным и близким. Неслучайно Анатолий Рябкин, друг детства Евгения, называл дом Зубовых «неиссякаемым кладезем безграничной доброты, душевности, порядочности и мужества».

«На праздники, — вспоминала сестра поэта Раиса Петровна Круглова, — в нём собиралось до 30 человек родственников. Папа Пётр

Петр Яковлевич и Валентина Васильевна Зубовы в кругу родных (Евгений Зубов стоит). Мисайлово. Ильин день. 1957

Женя Зубов с сестрой Зоей. 1956

Яковлевич Зубов, мама Валентина Васильевна, потом мамин брат Вениамин, который был удивительным острословом. Приезжал наш с Зоей родной брат Анатолий, который прошёл всю войну. На фронте он служил в разведке и имел боевые награды. О нём написали даже статью в газете, в которой говорилось, сколько он уничтожил фашистов. Приезжали мамины племянницы». И каждого переступавшего порог встречали с неподдельным радушием, теплом и сердечностью.

Отзывчивостью и участием делились здесь не только с родными. Близкий друг семьи, журналистка Татьяна Аннина рассказывала, какой переполох устраивал Евгений во время её приездов: «Свято веря, что человека надо, прежде всего, накормить, он кричал Зое из своей «клетушки»: «У тебя там солянка есть, дай ей… Картошку свари да селёдку не забудь». И следовал перечень всего, что имеется в доме. Зоя в ответ: «Сама знаю!». Я отмахивалась: «Не голодная, из дома приехала». Но он долго не унимался, пока не выставляли на стол все припасы».

Мне также не раз доводилось бывать в доме Зубовых, и всегда стол, в конце концов, заполнялся тарелками с разнообразной снедью. Свидетельствую со всей искренностью, что Зоя Петровна, старшая сестра поэта, отменно готовила, и даже самое знакомое блюдо имело у неё свой неповторимый вкус. Не забыть её сладких сочных пирожков к чаю, которые специально для меня подогревались на сковородке.

Характерной приметой зубовского двора и дома являлось всевозможное, разными путями забредшее и занесенное сюда зверьё. Об этом говорили все, кто здесь бывал. «Когда ты приходишь к ним, тебя встречает многочисленная домашняя живность (кошки, собаки), которые рады гостям. Один небольшой пёс даже, бывает, сердится, если ты пытаешься уйти, и норовит ухватить тебя за штанину» (А. Рябкин). «Ночью вдруг просыпаюсь от вскрика: «Пошла отсюда!». Оказывается: одна из

6-7 кошек, что толкутся у Жени под кроватью, «достала» его своими прыжками. Мы долго смеёмся, перешучиваемся через стенку. Зоя заявляет: «Вот вышвырну всех кошек и собак». Он: «Тогда и меня с ними вышвыривай…» (Т. Аннина).

В такой большой и дружной семье младший Зубов, конечно, не был обделён ни вниманием, ни душевным теплом и в полной мере чувствовал себя её полноправным членом. В праздничные дни он охотно участвовал в общем застолье, расцвечивая его весёлыми репликами, заодно со всеми пел.

Ежегодно с размахом отмечали домочадцы дни рождения Евгения, на которые приглашались не только родственники, но и его друзья. Для одного из таких дней рождения было сварено целое ведро солянки.

Родные не оставляли Евгения Зубова без поддержки и в будни. Сын Зои Петровны Борис помогал в Мисайлове обустроить быт Евгения, если надо — возил по врачам. Старший брат Анатолий на первых порах, как я уже говорил, взял Евгения к себе на житьё в Москву, а однажды, было и такое, встал на его защиту. «Как-то раз, — по свидетельству Зои Петровны, — в клубе к брату подошёл участковый с напарником. Оба пьяные. Народу — полный клуб, а они из всех собравшихся почему-то Женю выбрали и стали придираться. На счастье, в тот вечер в клубе был и наш брат Толя. Он не позволил обидеть брата, сорвал с милиционеров погоны и принёс домой. Милиционеры после стучали в окна, просили вернуть погоны, но Толя сказал, что отдаст только их начальству».

Добрые отношения связывали Евгения с сестрой Раисой Петровной (в замужестве Кругловой), переехавшей в село Остров, которая каждый раз, бывая в Мисайлове, подолгу беседовала с братом. В последние годы жизни, когда тот уже не мог вставать с постели, она сажала его на кровать и массировала.

Но, конечно, основной груз повседневных забот о Евгении лежал вначале на его матери Валентине Васильевне, а затем (и чем дальше, тем больше) на старшей сестре Зое Петровне, которую по праву можно назвать верным ангелом и хранителем брата. На протяжении многих лет она кормила, поила и обстирывала Евгения, а также была для него главным собеседником. «Со временем брат так привык к нашему совместному житью, что без меня уже не мог пробыть ни одной минуты. Даже когда маме стало совсем плохо и мне необходимо было уезжать в Видное, он всячески этому противился, — так ему страшно казалось остаться одному» (З. Зубова).

В кругу родных младший Зубов выглядел обычно жизнерадостным и общительным, не хотел показывать трудность своего положения и говорить о своей болезни. «Женя не вызывал чувства жалости, казался сильным, уверенным, самостоятельным. Даже когда полностью слёг, продолжал всех поддерживать и веселить. Он любого мог развеселить, рассмешить, в душу искорку бросить, найти доброе слово. С ним мы забывали о его болезни» (А.Стручкова). «Возможно, в душе у него было что-то другое, но на людях он всегда шутил. Частенько подтрунивал над нами, что, мол, и на работу-то ему ходить не надо, и не болеет он, а только вид делает» (Р.Круглова).

Деликатная, необижающая насмешливость Зубова в общении с родными не являлась напускной. Ему и в самом деле было свойственно подмечать курьёзное и комическое вокруг себя, привносить в обыденность оживляющее её театральное, игровое начало. Тем более, что весёлое слово и улыбка гнали черные мысли и из его собственной души. «Помню, когда работала в мисайловском магазине, прибегу на обед, а брат меня просит: «Рая, скопируй кого-нибудь». И я ему копировала то какого-нибудь покупателя, то пьяницу. Ему это очень нравилось. Он и по радио тоже ловил что-нибудь такое. «Женя, ну что поймал?» А брат в ответ только хохочет. Я в связи с этим частенько шутила: «Женя, какой же ты «двуличный» человек! Слышали бы те, кто тебя навещает, что ты без них говоришь» (Р.Круглова).

Галя Вагина, Евгений Зубов и его троюродная сестра Лариса Гусева под грушей около зубовского дома. 1957

Порой зубовская склонность подмечать курьёзное проявлялась и в переписке с друзьями. Так, например, в одном из писем к поэтессе Татьяне Мельниковой, отвлекаясь от дел литературных, Зубов с юмором, за которым скрывалось удивление и возмущение, сообщает о много месяцев не работающей на улице колонке и связанных с этим обстоятельством бытовых неудобствах. Случай вопиющей трагикомической бесхозяйственности никак не выходил у него из головы. И в очередном письме Мельниковой между фраз о Фете, Николае Рубцове, Борисе Можаеве, Юрии Любимове и театре на Таганке Зубов не без сарказма делится с адресатом «смешным» продолжением ремонтно-водопроводной истории: «А колонка всё не работает. Приезжали на грузовой машине добры молодцы, перекрыли воду — она около трёх лет ручейком стекала в овраг. Теперь полный порядок…». И, конечно, не забывает Зубов уведомить Мельникову о совершенно гоголевской развязке головотяпского сюжета: «Колонка заработала. Настали тёплые дни — она отогрелась и стала давать воду без вмешательства мастеров».

В будни, оставшись в мисайловском доме один, младший Зубов читал газеты, книги и журналы, включал радио, смотрел телевизор. Летом бродил по двору и саду, сидел в тени груши за столиком, слушал птиц, любовался голубым небом и цветами (особенно ему нравились настурции и хризантемы).

Однако всё это, по понятным причинам, не давало желанного ощущения полноты жизни. Ни тепло, ни забота близких порой ничего не могли поделать с ограниченностью пространства, однообразным распорядком дня, недостатком общения и свежих впечатлений, отсутствием серьезного дела. И тогда Евгений Зубов начинал думать о безнадёжности своего положения, был не в силах противиться наваливающейся на него тяжёлой тоске.

В этот момент лучшим подарком становился приезд верных друзей Анатолия Рябкина и Владимира Попова, которые легко раздвигали замкнутое пространство четырёх стен. Вот с кем можно было поделиться любыми самыми заветными мыслями! Вот кто всегда мог протянуть руку помощи!

Я к одиночеству привык —
Мне ль одиночества бояться.
Среди своих любимых книг
Я буду плакать и смеяться.

Среди лугов и рощ густых
Я звонко радоваться буду.
...Но почему тогда от них
Спешу навстречу к людям, к людям!?

Зоя Петровна Зубова рассказывала: «На улице — зима. Приходит Володя Попов, они садятся с Женей рядом и начинают беседовать о своём. И вдруг Попов говорит, что новую книжку купил. Женя спрашивает: «А почему же мне не принёс показать?». В ответ Попов вскакивает, одевается и говорит, что сейчас принесёт. На улице мороз, а он побежал к себе в Молоково за книжкой. Часа через полтора приносит книжку, и они оба склоняются над ней. Такой дружбе можно позавидовать.

Володя и брату, какие нужно книги, всегда приобретал. Он писал стихи — у него было много заполненных ими тетрадей. Но только их никому не показывал и никуда не отсылал. Хотя любил декламировать. Мог читать стихи всю ночь. Вот Володя придёт вечером, я сплю, а они у Жени говорят, говорят. До утра не смолкает их «бу-бу, бу-бу».

Когда Володя Попов приезжал, то я могла ночевать у себя на квартире в Видном. Володя и напоит, и накормит Женю. На него всегда можно было положиться».

Атмосфера большой дружной семьи, где не чувствуешь себя лишним, обузой, и регулярные приезды друзей (не отменяя болезни и всего, что было с ней связано) создавали благоприятные условия для «напряжения воли», «работы ума», установления глубоких взаимоотношений с окружающим миром, к которым так стремился молодой мисайловский паренёк. Оставалось только выбрать занятие, которое бы наполнило существование в «углу» радостью и смыслом. И поэзия, творчество — стали таким делом.

«Ленинец»

Зубов не отрицал, что, выбитый из колеи жизни, ухватился за писание стихов, «как утопающий хватается за соломинку». Он начал отправлять свои первые опыты в разные столичные литературные журналы. Но ответы приходили оттуда вежливо-отрицательные. Поэт и в 1970-е годы руководитель районного литературного объединения

Евгений Зубов около дома. Мисайлово. 1967

Альберт Федулов вспоминал: «Как-то Виктор Тимофеевич Шахин, поэт, журналист и один из ведущих сотрудников газеты «Ленинец», показал мне отзыв московского рецензента, к которому попали зубовские рукописи. Отметив стихотворение «Колотушка», тот забраковал остальные и отказал в публикации<...> К сожалению, подобные отзывы получали тогда все начинающие поэты. Каждому в вежливой форме, как правило, указывали на несовершенство присланных текстов и советовали работать над повышением мастерства. Исключения делались чрезвычайно редко».

Чудесным образом в бумагах Зубова сохранился фрагмент письма, предназначенного для какого-то столичного издания: четыре листа, вырванные из школьной тетради в клетку. Вот его начало:

«Уважаемая Редакция! В конце 1969 г. я посылал Вам свои стихи. Я благодарен вашему литконсультанту т. В.Смолдыреву, который прислал мне отзыв о стихах с критическими замечаниями. С этими замечаниями я полностью согласен. Пользуясь предложением т. В.Смолдырева присылать новые стихи, если они будут, я решил побеспокоить Вас ещё раз. С прежней просьбой — получить отзыв о моих новых стихах по адресу: Моск. обл., Ленинский р-он, Молоковское п/о, д.Мисайлово, Зубову Евг.». Далее следовал текст десяти стихотворений, в том числе и хорошо нам известной теперь замечательной лирической зарисовки:

Стуком в окно меня будят синицы...
Утро и солнечный свет!
В блёстках росы весь дрожит и искрится
Сад, словно пышный букет.

Ясно и чётко доносятся звуки,
Воздух прохладен и чист.
В роще грачи перед скорой разлукой
Кружат, сбивая лист.

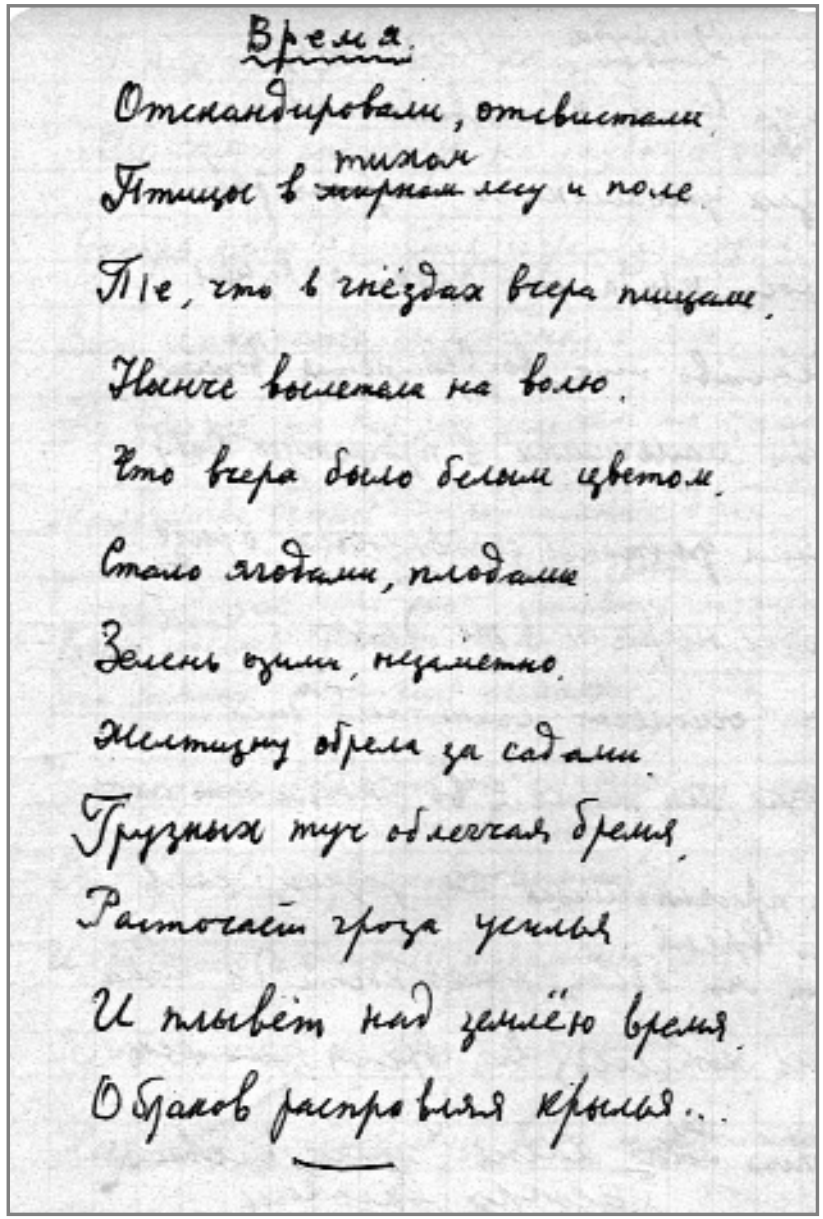
А в палисаднике статный, высокий,
Гордо выставив лоб,
Встал георгин — светофор краснощёкий,
Лету командует: «Стоп!»

К сожалению, остальные стихотворения, хотя в них и встречались неизбитые образы (*«Голубою повис косынкой / Над оврагом дым от костра»; «Рассыпал город в синий сумрак ночи / Дрожащий бисер золотых огней»; «Пряный запах повилики. / Синий омут васильков»*), были далеки от совершенства. Они обладали всеми недостатками, которые обычно присущи текстам начинающих.

Неудивительно, что первые зубовские опыты никого в солидных изданиях не заинтересовали. По этим опытам, и правда, сложно было предугадать, в какого значительного поэта превратится со временем один из их многочисленных корреспондентов.

Тремя годами ранее Евгений отослал школьную тетрадку со стихами в районную газету «Ленинец» (так назывались тогда «Видновские вести»). И неожиданно в лице редактора газеты Александра Ивановича Якуничева и её сотрудников обрел горячее человеческое участие и поддержку творческих устремлений. Первым наставником и советчиком начинающего автора стал Виктор Тимофеевич Шахин.

Так началось многолетнее содружество поэта и газеты, которая до конца жизни давала, по сути, единственную возможность выхода к читателю. В районке периодически печатались как отдельные стихотворения Зубова, так и целые подборки. Первая из таких подборок появилась в «Ленинце» в 1967 году, когда Евгению исполнилось 25 лет. Читателю предлагались пять лучших на тот момент зубовских стихотворений,


Время

Отскандировали, отсвистали
Птицы в ~~жирном~~ тихом лесу и поле
Те, что в гнёздах вчера пищали,
Нынче вылетели на волю.
Что вчера было белым цветом,
Стало ягодами, плодами
Зелень одни, неприметно,
Желтизну обрели за садами.
Грузных туч облегчая бремя,
Разточает гроза целый
И плывёт над землёю время
Образов распровляя крылья...

Беловой автограф стихотворения Евгения Зубова «Время»

● НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

СВЕТЛЫЕ ЗАКАТЫ

Красят светлые
закаты
Воду тёплую в реке.
Соловьиные раскаты
Затихают вдалеке.
Разрушая постоянство,
Ускоряя жизни ход,
С вишен белое
убранство
Ветер времени сбивает.
Соберешься, как бывало,
На рассвете
в сад пойти.
На земле,
как после бала,
Цвет опавший —
конфетти...

Евг. ЗУБОВ.

д. Мисайлово.

Газета «Ленинец». 16 июня 1974

которые предварял небольшой редакционный врез со словами молодого автора: «Моя главная цель — не оставаться без дела, попытаться запечатлеть в своем творчестве красоту природы Подмосковья».

Некоторое время спустя судьба подарила Зубову дружбу ещё с одним районным журналистом — Татьяной Александровной Анниной, которая познакомилась с мисайловским пареньком в тот момент, когда складывался его художественный мир и вырабатывалось мастерство.

«Помню, — вспоминает она, — летом 1969 года Александр Иванович Якуничев, редактор «Ленинца», дал мне одно из первых, а может, и первое редакционное задание: «В Мисайлове живёт интересный поэт, надо съездить». Выпускница университета, поклонница столичной оперы и балета, я вовсе не была воодушевлена: не любила «художественной самодеятельности»...

И вот я сижу на табуретке под очень старой яблоней, читаю исписанные бисерным почерком листочки, а передо мной стоит, опираясь на палку, хрупкий молодой человек с лермонтовскими глазами — печальными, бархатными, острыми. Стоит уже не один час: Женя тогда мог только стоять, потому что если садился, то подняться без посторонней помощи был уже не в силах.

Вернувшись домой, я тут же взялась за подготовку публикации. Сразу и навсегда признав в нем Поэта, я не меньше была ошеломлена его необычной личностью и судьбой. <...>

Поскольку вопрос о том «Стихи ли это?» отпал с самого начала, я и не думала стыдливо-жалостливо избегать в наших последующих беседах какой-либо критики; правда, она всегда облекалась в шутливый разбор новых произведений. Приезжала — и сразу: «Показывай, что написал». Читала вслух, нажимая на сомнительные места, которых — особенно поначалу — было немало».

С той поры Татьяна Аннина часто и охотно посещала Мисайлово, чтобы в окружении деревьев и цветов посидеть-побеседовать со ставшими навсегда близкими её сердцу Евгением Петровичем и Зоей Петровной Зубовыми.

Говоря о «Ленинце», нельзя не сказать еще об одном его сотруднике — Алексее Васильевиче Плотникове, который многое сделал для того, чтобы имя поэта из Мисайлова стало известно широкому кругу читателей не только районной, но и областной печати. Вот как он описывает своё знакомство с творчеством Евгения Зубова. «Редактор «Ленинца», Александр Иванович Якуничев, помнится, попросил меня в отсутствие ответственного секретаря помочь сверстать первомайский выпуск газеты и для подспорья дал две папки — одну со стихами местных авторов, вторую — с пейзажными фотографиями: «Может, что-то выберешь».

Мне хотелось найти нечто философско-лирическое, имеющее отношение не только к производству, но и к жизни вообще. И, представьте, несмотря на иронические усмешки коллег («ты многого хочешь»), такое стихотворение нашлось. И называлось оно, в общем, злободневно — «Перед праздником». Уже первая строка «*Толкутся над землёю комары...*», далекая от привычного газетного шаблона, заставила меня остановиться, задуматься... А последние строчки — «*Вот только бы за этим не забыли / Мы и в себе порядок навести*» — не оставили никаких сомнений: этого автора (а им был Евгений Зубов) надо публиковать! Так я открыл для себя поэтический мир Зубова. То восьмистишие до сих пор осталось в моей памяти:

Толкутся над землёю комары.

Зелёный лук проклюнулся из грядок.
Сгребают мусор, жгут в садах костры,
Наводят люди у дворов порядок.
Ненужный хлам — на свалку отнести,
Очистить дом от грязи и от пыли.
...Вот только бы за этим не забыли
Мы и в себе порядок навести.

Согласитесь: стихи, написанные вроде бы по случаю весенней уборки мусора, заставляют нас и сегодня задуматься — о чистоте не только внешней, но и внутренней.

Поэт не кричит, не говорит об этом прямолинейно, а как мудрый учитель тихо подводит нас к мысли о том, как важно дорожить прекрасным, не засорять душу хламом дурных желаний и чувств.

Открыв для себя однажды Евгения Зубова, я с удовольствием обращался к нему снова и снова. Понятно, что у районной газеты, призванной освещать «партийно-колхозную жизнь», в отличие от литературного издания, своя специфика, и не в каждый номер поставишь стихи, и всё же, когда выдавалась такая возможность, я охотно брал стихи из синих тетрадей Зубова.

Как правило, я находил в них то, что нужно. Гудела в разбуженных садах весна — эта весенняя круговерть находила отражение в лирических строчках поэта. У лета — свои картинки, свои метафоры, которые так и просятся под «грозовое» фото. И про это было талантливо написано Евгением Зубовым.

Его стихи удивительно соответствовали моим деревенским детско-юношеским впечатлениям. Автор, словно волшебник с увеличительным стеклом, представлял явления природы таким образом, что хотелось радость от его стихов разделить с другими.

Наступали осень, зима, — а вместе с ней приезжала в редакцию Зоя Петровна Зубова и скромно передавала очередную тетрадку стихов «от Жени» (А.Плотников).

Известно, что первое время возникающие стихотворные строчки поэт записывал на клочках бумаги, и от этого периода никаких следов не осталось. Позднее появились общие тетради и блокноты для черновиков. Сколько их всего было, теперь едва ли можно установить.У меня хранятся три общие тетради и один Зубовский блокнот. Общие тетради содержат беловики и черновики стихотворений, блокнот — только беловики. От Зои Петровны мы знаем, что писал её брат сидя и не целый день. Закрывался ото всех, чтобы ему никто не мешал. Когда стихотворение обретало завершённый вид, Зубов читал его старшей сестре и просил проверить орфографию и пунктуацию.

После чего с беловиков делались специальные рукописные копии для передачи в газету. Этим занимался сначала сам Зубов, а когда у него стали слабеть руки, роль переписчика взяла на себя Зоя Петровна. Сначала готовые подборки отвозил в «Ленинец» друг поэта Владимир Попов, впоследствии их доставка в газету легла на плечи старшей сестры. Из слов Алексея Плотникова следует, что редакция имела дело со школьными тетрадками. По всей видимости, они не сохранились.

Кроме них, были, вероятно, и другие рукописные свидетельства зубовского творчества. Видновский поэт Альберт Федулов вспоминал: «Отлично помню толстые тетради, исписанные от корки до корки разборчивым почерком, прямой стреловидной строкой. Их мне показывал Виктор Шахин. Где теперь эти тетради, сказать трудно. Они ходили по рукам, с

● 4 стр. ● 5 августа 1989 года

— НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ —

Евгений ЗУБОВ

ЯБЛОНЯ

Эту яблоню посадила еще до войны моя мама. В ту весну, когда она умерла, рухнула на землю и старая яблоня...

Ночной грозы неистовая сила
Под самый корень яблоню сломила.
Пришел рассвет, мир нежился в тепле.
Она лежала на сырой земле.
Она жила немало лет на свете,
Ее плодам так радовались дети.
В голодном детстве яблок сладких дар
Любили получать и млад, и стар.
А яблоня не знала передышки,
Бросала щедро яблоки мальчишке
К ногам под осень, с веток каждый год.
Что ни весна — она опять цветет.
И вот грозы неистовая сила
Старающую яблоню сломила.
Лучилось солнце, голубел простор,
Гудели пчелы, как церковный хор.
О яблоне ничуть не беспокоясь,
В ее цветах неторопливо роясь,
Нектар сбирали пчелы про запас —
В последний раз.

Газета «Ленинец». 5 августа 1989

ними знакомились многие поэты-шкулёвцы. Хорошо, если Зубов оставлял оригиналы переданных в редакцию произведений, но, скорее всего, он являлся плохим хранителем собственных текстов. Если это так, очень жаль — в тех его тетрадях было немало прекрасных стихотворений».

Появлению своих стихов на страницах районки Евгений радовался очень. Можно сказать, жил от публикации до публикации. И поэтому каждый номер «Ленинца» ждал с нетерпением. В «газетные дни» то и дело слышалось настойчивое: «Зоя, пойди, посмотри, — почтальон не приходил?». Он объяснял поэтессе Татьяне Мельниковой: «Для меня куда важнее регулярно появляться на страницах «Ленинца» одним, двумя стихами в месяц, как это было в последние годы, нежели иметь отдельную литературную страницу, но раз в год. Большой перерыв выбивает из колеи, подрывает веру в свои возможности».

За годы сотрудничества районная газета стала для Евгения Зубова близкой и родной. По свидетельству Татьяны Анниной, он внимательно её прочитывал, интересовался редакционными делами и проблемами, разгадывал псевдонимы, расспрашивал про журналистов: «А какая она — Евгения Сорокина? А Ника Решетина — это та, что по радио говорит?»

Шкулёвцы

Кроме редакции «Ленинца», большую роль в творческом становлении Зубова сыграла деятельность районного литературного объединения им.Ф.Шкулёва. Новые стихи, появлявшиеся на страницах «Ленинца», чужой творческий опыт доставляли обильную пищу для размышлений. Чувство локтя, дух соревнования побуждали к собственным художественным поискам, совершенствованию стиля.

Многое могло дать непосредственное живое общения с собратьями по перу, но его долгое время не было. Возглавив осенью 1980 года литературное объединение, я стал наведываться к Евгению Зубову, беря с собой кого-либо из шкулёвцев.

Одной из первых в гости к поэту со мной отправилась Елена Митарчук, которая в то время работала в Государственном музее В.В.Маяковского и искала приложения своих творческих сил. Свои впечатления от поездки она отразила в очерке (его вскоре опубликовали в «Ленинце»).

Члены литературного объединения им. Ф.Шкулёва Сергей Попов, Елена Соколовская, Мария Плеханова, Алексей Зименков, Татьяна Мельникова, Юрий Рыбин и Алексей Плотников (около дома Зубовых). Вторая половина 1980-х гг.

Этот очерк содержит много любопытных подробностей и характерных примет той поры, и поэтому отрывки из него здесь стоит привести.

«В Мисайлове из автобуса никто, кроме нас с руководителем литобъединения имени Ф.Шкулёва А.П. Зименковым, не вышел. Однако дом Зубовых мы разыскали быстро.

Это милый деревянный дом, со всех сторон густо обсаженный деревьями. Собака мирно спала за дверью, видимо, полная доверия к людям. Потом выяснилось, что в доме живёт много собак. Их с улицы приносят дети. Детей очень много, потому что это большая семья. Хозяйке они внуки и правнуки. А Евгений Зубов — её сын.<…>

Евгений — автор стихотворений, которые он сам называет пейзажными. «Как становятся поэтами? — спрашиваю я у Евгения. Он смеётся, потом рассказывает про отца, про детство. «Типографщиком» с дореволюционным стажем был отец. Мальчишкой его отдали «в ученье», жил с дядькой-пьяницей. Из чувства протеста вступил в члены общества по борьбе с неграмотностью, а значит, с темнотой и невежеством. Оттуда — истоки любви отца к книге, к печатному слову, к общению. Мать — крестьянка по сути. И сейчас в свои 85 лет она работает на огороде. В нём, в Евгении Зубове, так много от предков любви к земле, уважения к знанию, нежности к русской природе, что волей-неволей пришлось ему заговорить от лица их всех, заговорить стихами. <…>

Как становятся поэтами? Всё началось с тоненькой тетрадки стихов, переданной на суд старшему товарищу. Таким «крестным отцом» стал для Зубова сотрудник «Ленинца» Виктор Тимофеевич Шахин. Это было в 1966 году. С тех пор продолжается содружество поэта и газеты. Для Зубова это тем более важно, что стало единственным выходом к читателю.

О газете поэт говорит с любовью. Все русские писатели были в какой-то степени журналистами или даже занимались этим профессионально — как Пушкин, Достоевский, Маяковский. Зубов сетует, что в последнее собрание сочинений Достоевского не вошли дневники писателя, посвящённые журналистской деятельности.

В доме Зубовых выписывают много газет. Особое место — «Ленинцу». Зубов следит за каждой новой поэтической публикацией, запоминает строки, имена их авторов — своих товарищей по литобъединению имени Ф. Шкулёва, заочным членом которого он является уже много лет.

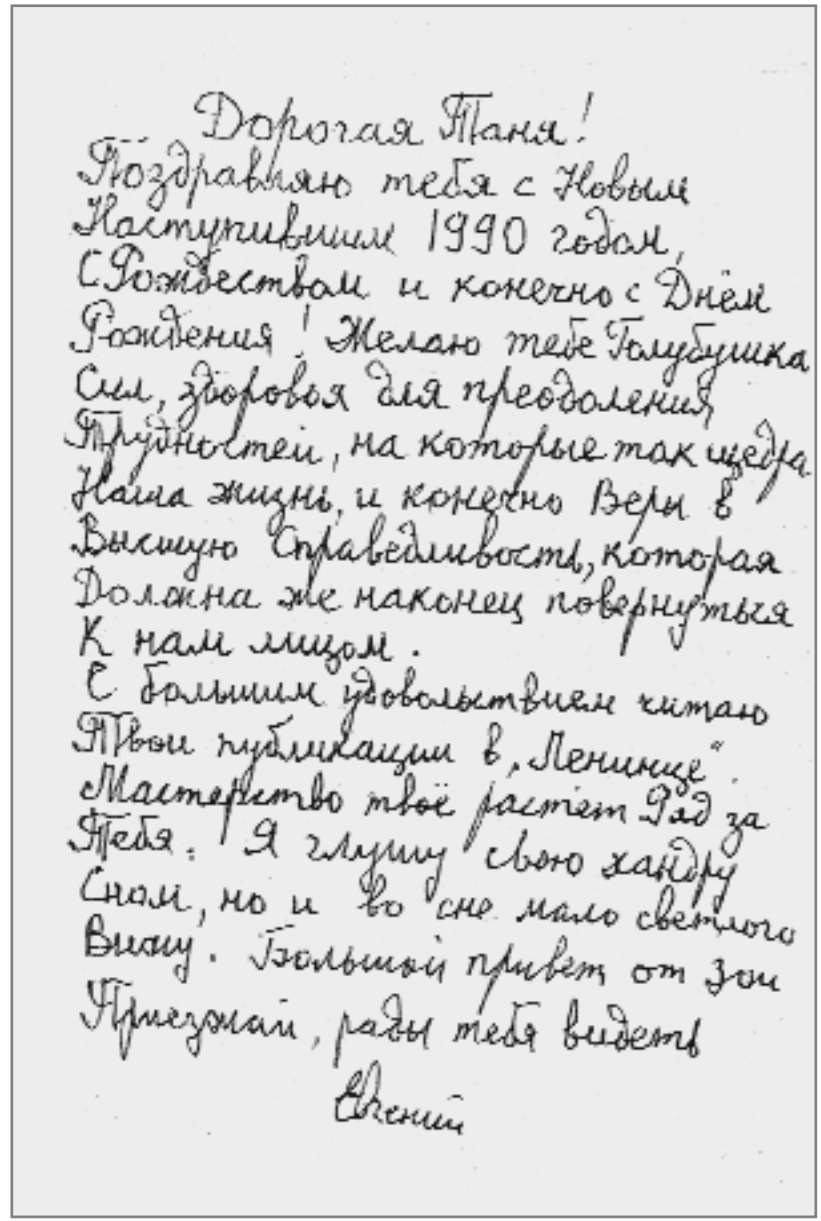
Как становятся поэтами? Как становятся такими, как Евгений Зубов? Сам он не видит ничего выдающегося в своей жизни, не считает себя настоящим поэтом. «Ты, маманя, иди к себе. Я буду читать стихи, а тебя стесняюсь», — говорит Зубов матери. И читает.

Рождённый с душою, открытой
Для песен, любви и добра,
Поэт на земле беззащитен
От подлости, зависти, зла...

Кончился ливень. По чистой дороге едет рейсовый автобус. Я смотрю в окно и словно впервые вижу поля, перелески, речушки и овраги. Поэт, спасибо... (Е.Митарчук. «А началось с тоненькой тетрадки». — Ленинец. 9 сентября 1982).

В 1984 году, когда мои приезды в Мисайлово сделались привычными, я предложил Зубову последнее перед летними каникулами занятие районных литераторов проводить у него.

Евгений ответил согласием. Так была заложена одна из важных шкулёвских традиций — наступление лета встречать в Мисайлове. Сохранился черновик письма, в котором я обратился к Зубову с этим предложением: «Уважаемый Евгений! Я хотел бы провести последнее заседание литературного объединения им. Ф.Шкулёва у вас в гостях. Мне


Дорогая Таня!
Поздравляю тебя с Новым
Наступившим 1990 годом,
С Рождеством и конечно с Днём
Рождения! Желаю тебе Голубушка
Сил, здоровья для преодоления
Трудностей, на которые так щедра
Наша жизнь, и конечно Веры в
Высшую Справедливость, которая
Должна же наконец повернуться
К нам лицом.
С большим удовольствием читаю
Твои публикации в „Ленинце".
Мастерство твоё растёт Рад за
Тебя. Я глушу свою хандру
Сном, но и во сне мало светлого
Вижу. Большой привет от Зои
Приезжай, рады тебя видеть
Евгений

Оборотная сторона открытки Евгения Зубова – Татьяне Мельниковой. Январь 1990

кажется, что общение единомышленников, так или иначе, всегда приносит пользу, и прошлая моя поездка к вам была не зря. <…> Если встреча возможна — отвечайте. Жду вашего решения и откладываю сроки последнего заседания.

В каком количестве мы можем приехать? Наверное, не более 5-6 человек. Из них 1-2, я надеюсь, будут вам интересны.

Чем станем заниматься? Послушаем ваши стихи и устроим нечто вроде читательской конференции (на дому).

Жму вашу руку, поздравляю с Праздником Победы, желаю творческих успехов.

Руководитель литобъединения им. Ф.Шкулёва А.Зименков.

6 мая 1984 года».

Сначала время приезда мы согласовывали в посылаемых друг другу открытках. Вот содержание одной из них от 9 июня 1986 года: «Уважаемый Алексей Павлович! Ваше предложение провести занятие лит. объед. у меня принято с благодарностью. Приезжайте, жду. Евг. Зубов». В дальнейшем роль «связных» исполнял кто-нибудь из шкулёвцев, чаще всего это были Юрий Рыбин и Галина Капитонова (Бобцова).

Мы приезжали к поэту иногда в мае, когда за калиткой нас ожидала безоглядно цветущая сирень, порой в июне, когда вдоль дорожки и под окнами в компании других цветов разгорались красные пионы. Мы читали стихи, произносили тосты, делились новостями. А хозяин дома стоял, подпирая спину палочкой, одновременно смущённый и радостный, внимательно вглядываясь в нас, хорошо ему известных по публикациям на литературной странице и по предыдущим встречам.

Может быть, именно такие встречи подтолкнули Зубова к написанию горьких и одновременно светлых исповедальных строк:

В своих сужденьях независим,
Быть независимым хотел
От чьих-то глаз, улыбок, писем,
От неудач, хулы и дел,
От серой пасмурной погоды,
От жарких солнечных лучей,
Я не хотел зависеть, гордый
От доброй милости ничьей…
В своих сужденьях независим,
Зависим я ото всего:
От слов людских, поступков, мыслей,
От звёзд дрожащих высоко.
Преодолев души усталость,
Смотрю в простор открытый дня…
Ах, если б кто-то, пусть хоть малость,
Зависим был и от меня.

После того, как районные литераторы были несколько раз тепло приняты в зубовском доме, они начали самостоятельно, кто когда мог, наведываться в Мисайлово. Особенно теплые отношения сложились у Зубова с поэтессой Татьяной Петровной Мельниковой. Друг дома Анастасии Цветаевой, экскурсовод, редактор, журналист, она напряженно искала тогда своё место в литературной и культурной жизни столицы. И это не могло не привлечь к ней внимания поэта. Вскоре между ними завязались переписка, взаимозаинтересованный диалог.

«Ваши чуткость и доброжелательность, мне, конечно, дороги, — признавался Зубов в письме к Мельниковой. — Для меня уже то благо, что в Вашем лице я нашёл человека, который добровольно изъявил желание ознакомиться (громко говоря) с моим творчеством, находит время для разбора моих стихов. И хоть Вы щадите мое авторское самолюбие, я благодарен Вам за внимание и доброту» (осень 1986 года).

Дружеское расположение Татьяны Мельниковой, её неподдельный интерес к личности и поэзии Зубова вылились в очерк о нём, опубликованный вскоре на страницах «Ленинца». Прочитав очерк, Зубов отве-

Татьяна Мельникова, Евгений Зубов и Мария Плеханова. Мисайлово. Вторая половина 1980-х гг.

тил его автору письмом: «Здравствуйте, дорогая Таня! Получил очередное письмо Ваше и подумал, что Вы хитрый человек. Я думал, что Вы просто из любопытства хотели узнать подробности из моей жизни, моё отношение к живописи и музыке, а Вы, оказывается, пытались собрать материал для очерка. И хоть я так и не раскрылся, ничего путного не сказал, Вы написали его, да ещё на пяти страницах. Конечно, мне интересно было ознакомиться с этим очерком, но на месте товарищей из «Ленинца» я не стал бы печатать его. Несколько лет назад обо мне уже писали. Читатели подумают ещё, что из Зубова делают культ личности в районном масштабе. А во мне сейчас такая пустота, стихи не пишутся…» (16 февраля 1987 года).

Позднее Мельникова оставит воспоминания о встречах и разговорах с Зубовым, хорошо передающих атмосферу дома, где протекла вся его жизнь. «Когда я приезжала в Мисайлово и входила в низенький деревенский дом, обихоженный стараниями Зои Петровны, преданнейшей сестры и ангела-хранителя Поэта, то каждый раз вместо приветствия спрашивала:

— Здесь живёт великий русский Поэт Евгений Зубов?

Женя, как всегда лежащий в своём закутке, смеялся, воспринимал мой вопрос, как шутку. А я произносила эту фразу, уже ставшую традиционной, совершенно серьёзно… Поэтому мисайловский дом, такой маленький, такой обыкновенный снаружи, изнутри мне казался большим — будто стены его раздвигались — просторным, значительным…

Однажды я привезла ему в подарок попугаев в клетке. Женя, конечно, открыл клетку, и они свободно летали по комнате. Позже я написала стихи, которые не раз читала Жене:

…У этого окна я не впервые,
Но не решаюсь сразу постучать.
Талантами богата ты, Россия,
При жизни их не хочешь замечать.
По комнате летают попугаи.
От пуха их и перьев спасу нет,
А что такое клетка, понимает
Хозяин дома — истинный поэт…»

Читать, думать, чувствовать, творить

С самого начала Евгений Зубов активно взялся за своё самообразование, много читал и размышлял о прочитанном и в конце концов стал широко образованным человеком, заинтересованно вглядывавшимся в текущую культурную и литературную жизнь.

В письмах к Татьяне Мельниковой он то удивляется, почему грузинских писателей так больно задел рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей», опубликованный в журнале «Наш современник»: «Разве можно на правду обижаться? Тем более что такие отрицательные типы есть у любого народа», то сетует, что в последнее собрание сочинений Достоевского не вошли дневники писателя, посвящённые журналистской деятельности.

Из книги Сергея Тхоржевского «Высокая лестница» (о жизни поэта Якова Полонского) Зубов с сочувствием выписывает для Мельниковой понравившийся экспромт Полонского, который был сочинён им по поводу производства в чин действительного статского советника:

С бюрократических вершин
Бог весть за что слетел ко мне ненужный чин.
Превосходительство даёт ли превосходство?
Вопрос решённый — не даёт.
Так знай же, Муза, наперёд,
Что без свободы — благородства
Я никогда не признавал,
И что на службе идеалам
Я никогда не буду генералом.

Глаголы «читаю», «читал» возникают в его письмах постоянно: «Роман В. Белова я еще не читал, но слышал о нём по радио на коротких волнах», «Из прозы читаю сейчас Б. Можаева «Мужики и бабы», «Теперь о «Фуку» Евтушенко… Я читал «Фуку» прошлым летом».

В разговорах и переписке Зубова возникают Маяковский, Хлебников, футуристы, Есенин, Клюев, Зенкевич, Мандельштам, Астафьев, Можаев, Айтматов, Конецкий, Евтушенко, Павлинов, Полонский, Фет, а также десятки других отечественных и зарубежных авторов.

Это принесло свои плоды — большая литература воспитала слух и глаз. Во время личных встреч я не раз отмечал про себя, что не имею-

щий филологического образования Евгений Зубов обладает поразительно тонким восприятием художественного текста и удивительно точно судит о произведениях самых разных авторов.

«От Маркеса у меня осталось... сильное впечатление, — сообщает Зубов Татьяне Мельниковой. — Особенно от романа «Осень патриарха». Местами просто мурашки по коже пробегают. Очень сильная и смелая вещь».

«А ещё, — пишет он, — читал “Тёмные аллеи”. Бунин — мой любимый писатель. Его безупречный литературный вкус, большое писательское мастерство, как поэта, так и прозаика, живописное точное слово, знание жизни — всё это восхищает и доставляет большое удовольствие при чтении его произведений».

Хорошо знал Зубов русскую поэзию XIX и XX веков. Особенно интересовал его Серебряный век, подаривший нашей литературе столько необычайных художественных миров и новых средств выразительности. Помню, как-то я увидел в его «каморке» на книжной полке дефицитный в советское время сборник стихов Михаила Зенкевича. У меня такого не было, и я стал его листать. А потом мы вместе довольно долго размышляли о своеобразии раннего Зенкевича и о его вкладе в отечественную поэзию.

Внимательно вчитываясь и всматриваясь в классиков, Зубов подспудно всё время искал своё место и свою тему в литературе, примерял особенности чужого слова к своему творческому почерку и складу речи.

Основные свои надежды он связывал с жанром лирического пейзажа, справедливо полагая, что в этом жанре сможет добиться наибольших успехов. В пользу такого выбора были его естественная тяга к исцеляющей красоте «разбуженных садов», «зелёных всходов», «дымчатых далей», деревенские биография и образ жизни, большой запас глубоко пережитых впечатлений, связанных с полем и лесом, способность исключительно тонко воспринимать природу во всех её состояниях и красках и, наконец, внезапно открывшийся в нём дар — запечатлевать окружающий мир в неожиданных, но точных и выразительных метафорах.

Новые обстоятельства жизни лишь активизировали скрытые способности, лишь до предела обострили зрение и слух, лишь сильнее заставили чувствовать красоту каждого прожитого дня.

По справедливому замечанию Таьяны Мельниковой, глазам его, не замутнённым мельтешением и суетой повседневности, вдруг стало доступным то, что не дано было видеть другим. Например, однажды летом

Сергей Попов, Елена Соколовская и Юрий Рыбин в гостях у Евгения Зубова. Вторая половина 1980-х гг.

он наблюдал, как «чесалась» крапива: «Было душно и тихо, и только один лист производил ритмичное движение и звук, какие производят кошки и собаки, когда лапой чешут за ухом. Конечно, это парадокс. Кожа человека зудит и чешется от крапивы. Но, наверное, пыль, зной и черные мошки допекли и крапиву». (Из письма Е. Зубова — Т. Мельниковой 16 февраля 1987 г.).

На суровых каменистых почвах иногда вырастают удивительной яркости и чистоты цветы. Вот и в нашем случае, наперекор обстоятельствам, в немудрёном малом избяном пространстве возник полный необычайных красок поэтический мир. В этом мире зимнее солнце само не прочь погреться, зависнув над печной трубой, мартовский день «с утра звенит синицами», лето раскрывается «цветным веером» — «до предела до конца», а безжалостная осень, разбирающая сад «настойчиво, упрямо, по листочку», постепенно становится нам близкой и понятной.

Нетривиальный в творческом отношении, этот мир и по своей сути оказался не таким как в большинстве произведений о природе. Бытует представление, что царство лугов и рощ в отличие от царства людей ис-

полнено красоты и гармонии. Кто только не воспевал в стихах и прозе побег в это царство, где под сенью дерев среди щебета птиц находит человек успокоение от житейских волнений и тревог.

Для Зубова окружающая природа, также как и жизнь людей, изначально соткана из горьких и непримиримых противоречий. С одной стороны, в ней много добра, красоты и всепобеждающей надежды на лучшее. Здесь капель трезвонит под окном, «чтоб мы с тобой на этот раз свою весну не прозевали». Здесь не ожидая беды, «первая бабочка мчится на свет яркой посланницей детства». Здесь «мелкие речушки» в пору ледохода «вдруг обретают глубину». Здесь первый снег «пахнет беззаботным детством». Здесь «солнце, встав в голубой вышине, одаряет живительным светом и тебя, и других наравне».

С другой стороны, поэт видит, что трагическое — неотъемлемая часть не только человеческого, но и природного бытия. Так, в стихотворении «Яблоня» «ночной грозы неистовая сила» губит старую яблоню, не раз выручавшую автора в голодные детские годы. Однако это не вызывает в мире лугов и рощ ни сострадания, ни грусти. И утром нового дня, словно ничего не произошло, лучится солнце, голубеет простор, а труженицы-пчёлы всё также сосредоточенно собирают нектар с цветков яблони, беспомощно распластавшейся на земле.

В стихотворении «Январь» односельчане Зубова, чтобы сохранить тепло в своих домах, не задумываясь, дружно сжигают в печах тела погубленных ради этого деревьев. И, не заслужив у людей ни сочувствия, ни благодарности, бесприютные души берёз и сосен, отдавших себя другим без остатка, вместе с клубами дыма обречённо устремляются в нескончаемо холодное небо.

А вот раздетый и разутый ноябрь. Он в отличие от всегда «сиреневого» и «соловьиного» мая существует лишь для того, чтобы раз за разом ждать в сгустившейся мгле «снега, как милости». Потому что земное устройство жизни несовершенно.

От несправедливости в мире природы поэту легко было бы перебросить мостик к собственной трагической судьбе, но он этого почти никогда не делает. «Мне нравится в живописи, в музыке лирическое звучание, светлые тона, — пишет Зубов Татьяне Мельниковой. — Слишком сурова жизнь, порой трагична, а искусство словно отдушина, форточка в светлый мир. Конечно, и в искусстве есть трагическое, суровое, и надо иметь мужество, силу духа, чтобы их воспринимать серьёзно и глубоко. К сожалению, я пасую перед таким искусством — слишком мягок».

Однако тайная тревога живёт в нём. Порой становится нестерпимой. И тогда он жалуется в стихах на «зелёную», «жёлтую» и «белую» скуку, завидует деревьям и травам, которым следующей весной дано «всё начать с нуля».

Белая скука короткого зимнего дня.
Снег на ветвях, на поверхности мёрзлых перил...
Белая скука страшит и пугает меня.
Чтоб одолеть одному её, хватит ли сил?

Лучшие стихи Зубова внешне просты, но их не написать по заказу и не привезти из творческой командировки. Для этого поэтическая задача должна стать человеческой судьбой. С Зубовым вышло именно так. И потому у него много подлинных удач, много стихотворений самой высокой пробы.

Другое слагаемое зубовского успеха — труд. В этом смысле всё написанное поэтом делится на три неравные группы. К первой группе относятся стихотворения, которые были положены на бумагу без видимых усилий и всегда публиковались в неизменном виде. В них и на самом деле уже нечего было править. Вторую группу составляют «проходные» лирические пейзажи (их довольно много). После того, как Евгений Зубов отдавал их в «Ленинец», он уже не прилагал усилий, чтобы их улучшить, а превращал в материал для следующих стихотворений на ту же тему. Удачные формулировки и образы «проходных» лирических пейзажей использовались в новых весенне-зимне-летне-осенних зарисовках.

Но были случаи и особого, третьего рода, когда поэт становился бесконечно требовательным к своему детищу. Когда, желая добиться максимальной художественной точности и силы, он вновь и вновь возвращался к написанному, отвергал уже опубликованное, начинал всё заново. Тогда стихотворение могло иметь одну, две, три и более редакций, преображаясь в итоге до неузнаваемости.

В таких случаях работа Зубова над текстом напоминала работу старателей, занимающихся промывкой золотоносного песка. Он настойчиво освобождался от приблизительных и проходных строф, строк и слов, упорно накапливая золотинки образов, возникающих в процессе творческой работы. До тех пор, пока стихотворение не превращалось в радующую глаз россыпь золотых песчинок.

Вот перед вами исходный вариант известного зубовского стихотворения «Было всё: тоска осенних буден…»:

Позади тоска дождливых буден,
Глухозимье также позади.
Снова сад синичий посвист *будит,*
Бьётся сердце радостней в груди.
Ожиданьем *дышит переулок,*
Ожиданьем *трепетной весны.*
С крыш капель срывается с сосулек
В голубой подойник тишины.
.....
И деревья, выжив в холод жуткий,
На свою не сетуя судьбу,
Вновь встречают мартовское утро
С солнцем ослепительным во лбу!

Как мы видим, здесь много неудачных или не вполне удачных мест. Так, в строке «*Снова сад синичий посвист будит*» сталкиваются два возможных прочтения: «*сад синичий*» и «*синичий посвист*». С общим тоном стихотворения диссонируют ударно-рапортующее «*Глухозимье также позади*», молодёжно-плакатное «*Бьётся сердце радостней в груди*», обезличивающий авторскую интонацию риторический повтор «*Ожиданье.....Ожиданье...*», а также вносящее инородную бытовую ноту выражение «*холод жуткий*». Синтаксически неловко звучит «С *крыш капель срывается* С *сосулек*». Отсутствует ясный смысловой переход от 2-го к 3-му четверостишию.

Автор это чувствует и, пройдя через несколько редакций, создаёт, наконец, предельно выразительный и точный, наполненный весенним воздухом и светом текст.

Было всё: тоска осенних буден,
Ропот листьев, первый снегопад...
А сегодня март встречают люди,
Каждый свету солнечному рад.

Ветер у дворов бельё полощет.
Покидает косогоры снег.
Ожила берёзовая роща —
Вновь над ней грачиный фейерверк.

Позади метели, холод лютый.
На свою не сетуя судьбу,
Сад вступает в голубое утро
С солнцем ослепительным во лбу.

Так происходило и во многих других случаях, когда бесконечная требовательность помогала находить для самых заветных мыслей и чувств совершенную форму.

«Мои стихи — бездомные бродяги»

С каждой новой публикацией творчество Зубова делалось известным всё более широкому кругу районных любителей поэзии. Не могли не нравиться его неожиданные и вместе с тем точные и яркие сравнения и метафоры, подкупающе просто сформулированные мысли, привлекающие своей подлинностью и индивидуальным звучанием интонации:

В саду скворечня из-под козырька
Глядит с берёзы, как из-под ладони.

Садится день за тихим лесом
На парашюте красном солнца.

Яркий месяц засмотрелся в лужу
И вмерзает незаметно в лёд...

То, что молчало вчера,
Музыкой стало сегодня.

Многие читатели «Ленинца» присылали в редакцию восхищённые отклики. Некоторые отправляли письма в Мисайлово, желая поддержать автора полюбившихся им строк.

Журналист Алексей Плотников назвал Евгения Зубова Есениным Видновского края. И на это он имел определённые основания. Оба поэта вышли из деревни и через всю жизнь пронесли восхищённо-трепетное отношение к окружавшим родные места лесам и долам. Не вызывает сомнения и глубинное родство метафорического строя Есенина и Зубова. Нескончаемы словесно-образные переклички в их стихах.

Сравните:

Кленёночек маленький матке
Зеленое вымя сосет.
С.Есенин
В раскрытых почках, словно в гнёздах,
Листочки свёрнутые спят.
Е.Зубов

Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой
С.Есенин
А колотушка всё стучала,
Храня покой односельчан.
Е.Зубов
Туча кружево в роще связала...
С.Есенин
Сад ветвями, словно спицами,
Из снежинок вяжет кружево.
Е.Зубов

Виснет темь, как платок, за сосной.
С.Есенин
Белой стеною туман за окном,
Словно бельё на прищепках.
Е.Зубов

Подобные примеры можно множить и множить...

Среди тех, кто однажды повстречался с поэзией Зубова и на всю жизнь сохранил любовь к ней, — преподаватель Развилковской средней школы Галина Семёновна Рубинская: «Открываю газету «Ленинец». Литературная страница. Читаю стихи, которые не трогают, не волнуют. Всё уже было. И вдруг...

Месяца литое коромысло
Вечер зацепил за провода...

Повеяло чем-то очень знакомым и тёплым. Месяц, звездочки-пчёлки, майский жук стукнул в окно. Цветущие яблони, «нежный аромат сирени» вошел в комнату. Сказано так верно и так просто.

А вот тропинка старая в Картино, картинские ребята, картинские девчата. С деревней Картино связаны мои первые учительские шаги, первые прекрасные ученики, их чудесные добрые родители. Стихотворение всколыхнуло самые дорогие воспоминания. Так я встретилась с Евгением Зубовым».

Спустя какое-то время вместе с Татьяной Мельниковой и мной Рубинская побывала у Зубова: «Евгений Зубов стоит в дверях своей комнатки. Очень молоденький, совсем мальчишка, темные усики оттеняют его бледное лицо, плотно сжатые губы. А глаза — бог ты мой! — глаза большие, тёмные. В них и печаль, и вопрос, и трепет, и радость. Смущённо улыбаясь, говорит: «Да какой я поэт. Так, пишу от нечего делать. Целый день один, перебираю в памяти прошлое, мысленно выхожу из

Галина Рубинская, Татьяна Мельникова, Евгений Зубов, Алексей Зименков, Татьяна Аннина, Пётр Злобин в доме Зубовых. Вторая половина 1980-х гг.

дома, брожу по знакомым местам. Птицу вот завёл. Она развлекает меня». По комнате летала канарейка.

А потом он читал свои стихи, так застенчиво, чуть волнуясь. Голос у него был негромкий, нежный. Петя, сын Татьяны Петровны, переложивший некоторые стихотворения Зубова на музыку, спел их под гитару, чем доставил автору слов большую радость. В этот вечер говорили много о поэзии и, конечно же, о стихах хозяина дома. Мы пили чай из красных в белый горошек чашек, а «именинник» по-прежнему стоял, и было неловко оттого, что он не мог сидеть рядом с нами. «Я могу только стоять или лежать», — сказал Евгений. И тогда стала понятна грустинка, которая слышится в его стихах. Вместе с тем он оптимист. Мечтает о своей книге стихов».

О совершённой поездке Галина Семёновна рассказала ученикам. «И решили мои девочки перепечатать на машинке стихи понравившегося им автора, нарисовать иллюстрации и «издать». Мой муж помог оформить обложки. В итоге были «сделаны» два экземпляра книги Зубова. С одним из них весной 1989 года мы и отправились к поэту в гости. Он очень обрадовался нашему приезду, подарку, про который сказал: «Вот, наконец-то и вышел мой сборник стихов. Я его буду очень хранить. Потому что это моя первая книга».

К моменту встречи с Рубинской Зубов, конечно, не единожды задумывался о собственной книге — том единственном, думалось ему, что он мог оставить после себя на земле. И, как мы видим, получалось так, что самые сокровенные мечты порой по-своему воплощались в действиях любителей его поэзии.

У 45-летнего Евгения Зубова, жителя деревни Мисайлово Ленинского района, простого незаносчивого биографии: начальная школа в Мисайлове, семилетка в Малоянсах, затем четырехгодичное полиграфическое училище... Но осуществить первые свои мечты ему не удалось: проработав лишь два года в типографии, он вынужден был уйти на инвалидность. Врачи сказали: «Надолго... Может быть, навсегда».

Лишенный с молодых лет возможности передвигаться из-за тяжелой болезни, Евгений не замкнулся в себе, не озлобился, не надломился. Свою боль, отгороженность от полнокровной активной жизни, невозможность нормального человеческого будущего со всеми его радостями он сумел преодолеть в себе и душу свою вывел к чистому серебряному лучу поэзии.

Двадцать лет назад он впервые прислал свои стихи в родную районной газеты «Ленинец» и с тех пор стал постоянным членом литературного объединения имени Филиппа Шкулева.

Год от года, от стихотворения к стихотворению крепнет его поэтическое мастерство, меняется поэтическая рука. Сегодня с полным правом можно сказать, что у Евгения Зубова сложился свой стиль письма, свой почерк, который не спутать ни с чьим другим.

Главная тема поэта — описание природы. Несмотря на то, что он ограничен четырьмя стенами деревенского дома и окружающим его двором, поэт постоянно открывает что-то новое, находит множество оттенков меняющегося пейзажа и с наблюдательностью тонкого психолога и знатока мудрого финиша переплетает в стихотворении с настроениями и переживаниями человека.

У Евгения Зубова появился большой круг друзей, ценителей его творчества. Его стихи с нетерпением ждут в печати юных стихов этого автора, поэта, человека, сильного духом.

А. ПЛЕШКИНОВ,
редактор газеты «Ленинец».

Свой возраст ощущаю,
как погоду.
Бывает хмуро,
пусто на душе.
Гнетет усталость,
мысли нету хода,
И кажется, что жизнь
прошла уже.
Но гнет спадет,
простор теплом задышит,
Дождь прояснится,
вновь к себе маня,
И я спешу на громкий
свист мальчишек,
Ошибочно подумав,
что меня...

Где-то кровельным жевзвом
Покрывают крышу дома,
А вдали над синим лесом
Вновь слышны раскаты грома.
Молотки, громки перья,
Сыплют дробным перестуком,
Надвигаясь из зарева,
Туча край берет испуганно.
И летит на расстояньи,
Сотрясая сушу, воды,
Гром людского созиданья
И стихийный гром природы.

Прощание

Мерцают луки,
небо мглисто,
Исхестя мокрым ветром
край.
Прощай, соседство
чутких листьев,
Соседство вольных птиц,
прощай.
Мы жили в мире,
жили дружно,
Тепло погожих дней ценя.
Сегодня нам прощаться нужно
Под равнодушным
взглядом дня.
До встречи
в солнечном апреле,
Когда ожившая земля,
Весне вернувшейся поверив,
Решится все начать с нуля.

Родное

Звуки дня растаяли,
умолкли.
Сгиля перед вечером жара.
В теплых травах
голос перепелки
Призывает дали:
«Спать пора».
Все вокруг опутано дремотой:
Копны сена, ветлы у пруда.
От поры весенней,
безработной
Ничего не осталось и следа.
То, что видишь в жизни
повседневной,
В этот час растрогает
до слез:
Окном за тихою деревней,
Кладбище с процессией
берез...
Свет закатный тронул
грустью сердце,
Лег раздумьем на твоем пути.
Никуда от этого не деться,
Никуда отсюда не уйти.

Областная газета «Ленинское знамя». 16 октября 1987

писную вашу первую книгу (рукопись), которую вы мне передали для ознакомления. Прихожу к твёрдому убеждению, что и вы и ваше творчество обязательно должны стать известны более широкому кругу читателей, чем тот, который вы имеете до сих пор.

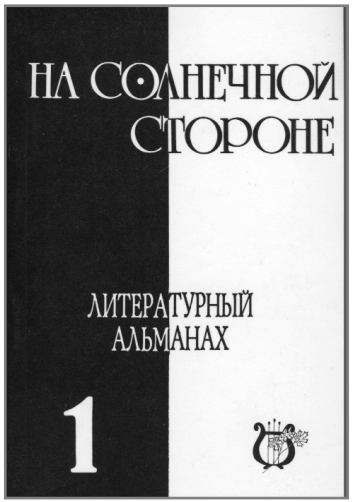
Многие ваши стихотворения (речь идет о гамбургском счёте), несомненно, заслуживают самой высокой оценки. К ним после незначительной доработки можно будет причислить и много других текстов. Восхищён вашим не скованным поэтическими стереотипами воображением и художественной зоркостью, широкой осведомленностью, живым интересом ко всему новому в литературе и культуре, а также вашей неустанной работой над собой, говорю это без всяких скидок на то положение, в котором вы находитесь.

Надо всему «клубу любителей зубовской поэзии» серьёзно задуматься над тем, что можно и нужно сделать, чтобы содействовать росту вашего мастерства и таланта, чтобы заинтересовать вами всевозможных литературных критиков и разные издания».

Возможно, поэт ждал от меня не только доброжелательных оценок, но и конкретных действий, связанных с продвижением его рукописи. Но ничего такого я предложить ему не мог, так как после знакомства с переданной мне машинописью, понял, что начинать следует не с продвижения рукописи, а с длительной кропотливой работы над ней.

Дело в том, что в советское время даже поэты с именем не могли вот так запросто выпустить свой собственный сборник (минуя утверждённые издательские планы и очередность), а рядовые члены Союза писателей СССР ожидали выхода своих книг годами. Кроме того, заоблачно высок, по сравнению с сегодняшним днем, был уровень профессиональных и творческих требований к публикуемым текстам. Зубов же являлся никому не известным автором, и его машинопись, конечно, не отвечала жёстким критериям московских издательств. Стихотворения в ней располагались в довольно случайном порядке, были вовсе не равноценны в художественном отношении и зачастую требовали доводки и шлифовки. Меня лично огорчало то, что целый ряд несомненно удачных пейзажных зарисовок почему-то в машинописи отсутствовал. А это означало, что и какие-то другие заслуживающие внимания тексты также могли оказаться за пределами переданных мне страниц.

Через некоторое время, возвращая рукопись книги, я изложил поэту свой план. Я сказал, что если цель будущего сборника — порадовать его видом родных, друзей и себя, то переданная мне машинопись, наверное, отвечает поставленной задаче, но при существующих обстоятельст-



Литературный альманах «На солнечной стороне» (М., 1992. №1) с циклом стихотворений Евгения Зубова

вах её всё равно не удастся издать. Если же у поэта есть желание сказать в литературе своё особое слово, если он хочет попытаться обратить на себя внимание специалистов, то надо подойти к изданию сборника со всей возможной серьёзностью. Прежде всего, необходимо собрать газетные публикации и законченные рукописные вещи вместе, чтобы, внимательно вглядевшись в каждый текст, взять из имеющегося только самое-самое лучшее. После чего, если понадобится, доводить это лучшее, не жалея времени и сил, до совершенства. Так, чтобы даже очень взыскательный рецензент не мог не ощутить художественного своеобразия и профессионализма автора.

Далее, говорил я, следовало составить из отобранного лучшего поэму-цикл о временах года. Тогда печатаемые под одной обложкой стихотворения обретут сквозное действие. И читателю будет интересно следить за тем, как разворачиваются события в этой необычной «лирической повести». Если этого не сделать, всё погубит тематическое однообразие и утомляющая чересполосица пусть индивидуально и очень хороших стихотворений о зиме, лете, осени и весне. Но главное — художественно яркая поэма-цикл о временах года станет новым словом в русской поэзии, поскольку ничего значительного в этом роде у нас еще не создавалось. Только таким образом подготовленную рукопись можно будет с определённой надеждой на успех показывать литературным критикам из толстых литературных журналов.

Кроме того, чтобы заявить о себе, я предложил отправлять небольшие подборки в областную печать и в массовые общесоюзные газеты и журналы — такие, как «Работница», «Сельская жизнь», «Крестьянка», «Смена» и другие, которым близка деревенская и природная тематика и которые наверняка заинтересовала бы неординарная судьба автора ярких лирических зарисовок. С этими словами, пообещав всю возможную со свой стороны помощь, я уехал.

Теперь понятно, что тогда я поставил перед Евгением Зубовым непосильную задачу, да и сам, конечно, был не готов активно участвовать в её решении. Поэтому несколько лет мы не возвращались к нашему разговору. И жизнь текла по привычному сценарию: «Ленинец» на своих страницах периодически публиковал стихи поэта, а шкулёвцы регулярно наведывались к нему в Мисайлово.

Но вот весной 1987 года разговоры о сборнике начались вновь. В связи с 45-летием Евгения Зубова и 20-летием его сотрудничества с районной газетой в Мисайлово приехали Виктор Шахин и Алексей Плотников. Они поздравили поэта со знаменательной датой, вручили ему от редакции почётную грамоту и пообещали похлопотать об издании его стихов.

После встречи с Шахиным и Плотниковым Зубов написал Татьяне Анниной: «Обольщаться <…> я не буду. Жизнь разучила меня это делать. Но помечтать-то можно? Я и название сборника уже придумал — «Угол».

К сожалению, хлопоты районных журналистов к успеху не привели. А сам Зубов после этого никаких действий для издания книги не предпринимал, откликнувшись на постигшую его неудачу поэтическими строчками.

Мои стихи — бездомные бродяги.
Для них у государства нет бумаги.
Чтоб поселить их в тонкий скромный сборник.
Сметёт их время, время — мудрый дворник…
Стихов не пощадит. Я это знаю.
Так для чего ж писать их продолжаю?

И вот однажды, знакомясь с очередной превосходной подборкой Зубова в «Ленинце», я вдруг почувствовал острое личное желание собрать (чтобы не потерять безвозвратно) всю его золотую словесную россыпь под одной обложкой. Поехал в Мисайлово и сказал, что надо переходить от слов к делу.

Зубов, без особой веры в положительный исход задуманного, согласился и передал мне через некоторое время машинопись (около 100 страниц) со своими стихами. Её в 1987 году набрала для поэта Валентина Рыжёва, которая прежде жила в Мисайлове и знала поэта. Потом к машинописи Зубов прибавил небольшое количество рукописных текстов. Остальное я долго добирал сам, просматривая подшивки «Ленин-

ца». Готовя тексты для Валентины Рыжёвой, поэт окончательно определился с композицией будущего сборника: «Мне трудно быть оригинальным. Стихи у меня о природе и разделы: зима, весна, лето, осень. Традиционные времена года» (Из письма Е.Зубова — Т.Мельниковой. <Май 1987>). Поэтому серьезных споров о построении книги у нас с ним не было. Только начинать я предложил не с зимы, а с весны и заканчивать не осенью, а весною. Перед читателем должен был разворачиваться не календарный год, а картина извечного круговорота жизни: от пробуждения — к цветению и росту, от роста — к увяданию и смерти, и от смерти — к зарождению новой жизни.

Составление и литературное редактирование задуманной поэмы-цикла продолжалось довольно долго. Подготовив очередную порцию материала, я отправлялся в Мисайлово, где мы обсуждали с Зубовым, как поступить в том или ином случае. В сторону отбрасывались все художественно слабые и технически сырые тексты. Чтобы не было дублирования, из стихотворений на одну и ту же тему, со сходными образами и мотивами выбиралось только одно. В отобранном безжалостно вычеркивались неудачные и избыточные четверостишия, понижавшие общую изобразительно-выразительную силу стихотворения.

Иногда в течение целого дня я ходил и повторял портящие общую картину строчки. Просил автора и сам предлагал новые варианты строф, которые после тщательного рассмотрения занимали место неудачных.

Например, было:

Великий фокусник — Природа,
Взмахнув рукою-невидимкой,
Накроет землю на полгода
Просторной снежною накидкой.
(Вступление)

В итоге стало:

Великий фокусник — Природа!
Не удовольствуется малым,
Накроет землю на полгода
Широким снежным покрывалом.
(Вступление)

Было:

Зеркальный сгусток утренней росинки,
Держащийся на кончике листа...
(Росинка)

Стало:

Зеркальный шарик утренней росинки,
Колеблемый на кончике листа...
(Росинка)

Было:

Только бабочки кружат попарно,
Только воздух по-летнему сух,
И плывёт невесомо и плавно
С семенами репейника пух.
(«В сонном воздухе нить паутины...»)

Стало:

Только бабочки кружат над домом.
Только воздух по-летнему сух.
Да как летом плывёт невесомо
Над цветами и травами пух.
(«В сонном воздухе нить паутины...»)

Именно к этому периоду относятся слова Евгения Зубова из письма Татьяны Мельниковой: “Несколько раз приезжал А.Зименков. Он как дятел выстукивает каждое слово в моих стихах, находя червоточину там, где мне казалось всё гладко. Меня это злит, но замечания справедливы”.

После того, как редактирование текстов было в основном завершено, я начал составлять бесконечные пасьянсы из стихотворений, относящихся к тому или иному месяцу. Искал наилучшую композицию для всех двенадцати. Добивался того, чтобы внутри каждого месяца не повторялись мотивы, образы, темы. Чтобы ка-

ждый месяц имел свое настроение, свою логику развития, ударные начало и концовку.

Дело замедляли собственная работа, домашние дела, расстояния, отделявшие Видное от Мисайлова, трудный поиск устраивающих нас с автором решений.

Когда черновая редакция «Времён года» была готова, Татьяна Аннина, ставшая главным редактором «Ленинца», охотно откликнулась на предложение опубликовать поэму-цикл в газете: «Пусть хотя бы газетный вариант долгожданной книги увидит свет». И в 1993 – 1994 годах «Времена года», раздел за разделом, появлялись на страницах нашей районки.

Теперь надо было найти спонсоров и издателя. К поиску подключился видновчанин, корреспондент областной газеты «Ленинское знамя», А.В.Плотников, давно знакомый с Зубовым и его творчеством. Мы не раз приезжали в Мисайлово, где обсуждали с Евгением и Зоей Петровной всевозможные способы достижения желанной цели.

А пока книга ждала своего часа, Алексей Плотников обнародовал стихи «мисайловского Есенина» в областной газете «Ленинское знамя». Я передал подборки зубовских стихов издателям альманаха «На солнечной стороне» Алле Васильевне и Алле Александровне Зусман, сотруднику журнала «Очаг» Татьяне Маршковой (этому содействовала Мельникова). Удивительно, но никого не пришлось просить и убеждать — главными аргументами были стихи автора и его судьба.

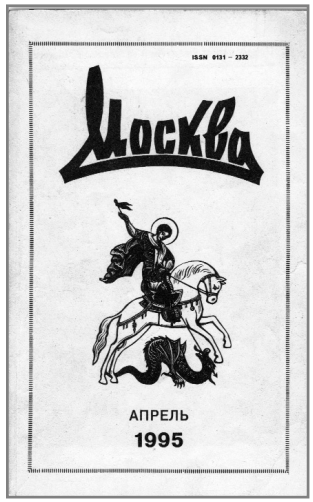
Шкулёвцы искренне радовались каждому новому успеху автора «Времён года». Поэт Вениамин Шорохов хорошо помнит, как отвозил Евгению Зубову авторские экземпляры альманаха «На солнечной стороне»: «Это была приятная миссия. Я, мой внук Дима, Михаил Жидков и поэт Иосиф Рухович сели в машину и покатили в деревню Мисайлово…

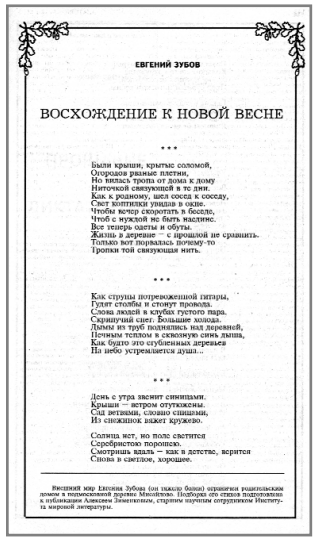
Женя, как всегда, лежал в своей комнатке, а мы, пододвинув стол к дверному проёму, сидели рядом, угощались нехитрым угощением, приготовленным его сестрой. Зоя всё сетовала, что мы приехали так неожиданно и она не успела приготовить нам подобающее (по её мнению) угощение. Хотя, с нашей точки зрения, угощение было отличным.

Но самой главной пищей в небольшом застолье была пища духовная. Мы читали стихи, как и в Москве, пели песни. Дима, который тогда учился в музыкальной школе города Видное, сыграл на скрипке. Женя был в восторге от его игры и посоветовал ему после окончания школы поступать в музыкальный институт, что Дима впоследствии и сделал.

Сам хозяин тоже читал стихи — свои и стихи знаменитых поэтов».

В 1995 году подготовленную рукопись «Времён года» я решился показать своему коллеге по Институту мировой литературы — талантливому исследователю творчества Михаила Шолохова и Андрея Платонова, литературоведу и критику Владимиру Васильевичу Васильеву. В своём отзыве он написал, что «лучшие стихи Зубова без особых натяжек можно отнести к явлениям большой литературы». В подтверждение своих слов Владимир Васильев вскоре опубликовал подборку зубовских стихов в известном литературном журнале «Москва». В высшей степени положительной оказалась рецензия и другого специалиста — глубокого знатока поэзии Сергея Есенина, доцента МГУ Александра Николаевича Захарова. Цикл Зубова «Времена года», полагал он, имеет «все основания претендовать на своё особое место в многоцветной русской поэзии». Неожиданно высокие оценки и знаковая публикация в «Москве» добавили уверенности и автору, и всем нам.





ЕВГЕНИЙ ЗУБОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ К НОВОЙ ВЕСНЕ

***

Были крыши, крытые соломой,
Огородов разные плетни,
Но вилась тропа от дома к дому
Ниточкой свирухой в те дни.
Как к родному, шел сосед к соседу,
Свет коптилки увидав в окне.
Чтобы вечер скоротать в беседе,
Чтоб с мужьей не быть наедине.
Все теперь одеты и обуты.
Жизнь в деревне — с прошлой не сравнить.
Только вот порвались почему-то
Тропки той связующая нить.

***

Как струны потревоженной гитары,
Гудят столбы и стонут провода.
Слова людей в клубах густого пара.
Скрипучий снег. Большие холода.
Дымы из труб поднялись над деревней,
Печным теплом в сквозную синь дыша,
Как будто это опубленных деревьев
На небо устремляется душа…

***

День с утра звенит синицами.
Крыши — ветром отутюжены.
Сад ветвями, словно спицами,
Из снежинок вяжет кружево.

Солнца нет, но поле светится
Серебристою порошею.
Смотришь вдаль — как в детство, верится
Снова в светлое, хорошее.

Внешний мир Евгения Зубова (он сказал более) ограничен родительским домом в подмосковной деревне Мисайлово. Подборка его стихов подготовлена к публикации Алексеем Земенковым, старшим научным сотрудником Института мировой литературы.

Журнал «Москва» (М.,1995. №4) с подборкой стихотворений Евгения Зубова

Алексей Плотников пошел в администрацию Ленинского района. Идея издания сборника Евгения Зубова нашла поддержку у заместителя главы Валентина Михайловича Витринского. Директор видновского полиграфического предприятия «Инициал» Валерий Моисеевич Петров взялся выпустить сборник. Я сделал рабочий макет «Времён года». На обложку была вынесена фоторабота видновчанина Георгия Абраменко, а на шмуцтитулы помещены пейзажи фотокорреспондента областной газеты «Подмосковные известия» Владимира Мартынюка. Автором фото-

Председатель совета литературного объединения им. Ф.Шкулева Алексей Зименков и старшая сестра поэта Зоя Зубова. Мисайлово. 2002

портрета Евгения Зубова, открывающего сборник, был фотокор «Ленинца» Борис Мещеряков.

В моём предисловии к первому изданию, которое написано в памятные всем 1990-е годы, говорилось: «Время жить не выбирают. Нынешнее (политизированное, полное житейских неурядиц и душевной смуты) для восприятия искусства чистого и высокого не отнесёшь к удачным. С экранов телевизоров, с книжных лотков (несть им числа) людям настойчиво внушают: реальной ценностью в мире обладают только материальные блага и деньги. В окружении барби, сникерсов и майклов джексонов мы незаметно утрачиваем любовь к отечественной культуре, становимся манкуртами, Иванами, не помнящими родства, чужими на своей земле.

Евгений Зубов помогает нам оставаться людьми, россиянами. Он пишет об очаровании простых чувств, составляющих основу жизни всякого нормального человека, об охранительной силе унаследованного от отцов мировосприятия, где добро и правда не мудрёны и уклончивы, а осязаемы и благодатны, как дыхание, как биение сердца, как тепло дружеской руки.

Он дарит нам русское небо над головой, родной до боли, нескончаемый, пролегающий меж полей и лесов большак, подёрнутый зелёной ряской пруд, ночную, озвученную кузнечиками тишину <…>.

Первое издание книги стихов Евгения Зубова «Мисайлово – времена года» (Видное: Инициал, 1996)

Широкое признание и заинтересованный критический разбор стихов Зубова впереди, а пока очень хочется, чтобы человек с живой душой не отверг их с порога, не отверг — прочитал. И задумался о чем-то дорогом, сокровенном, своём. За окошком ослепительно сияет солнце — и верится во всё светлое и хорошее».

Весной 1996 года полиграфическое предприятие «Инициал» подготовило вёрстку сборника, и я отвёз её автору. Глядя на страницы своей будущей книги, Евгений Зубов испытывал сложные чувства. И радости — оттого, что это, наконец, произошло, и горечи — оттого, что это произошло не на взлете жизни, когда всё впереди и ты полон смелых надежд и планов, а в пору подведения итогов, когда от заглядывающих в окошко дней ты уже ничего особенного не ждёшь.

Самого сборника поэту было увидеть не суждено. Книга стихов «Мисайлово — времена года» (Видное: Инициал, 1996) вышла через несколько месяцев после его смерти.

Благодарная память земляков

В сердцах земляков смерть Евгения Зубова вызвала искренний отклик. Проводить его в последний путь собрались родные и друзья, председатель колхоза им. М.Горького Василий Яковлевич Мамров, председатель Молоковского сельсовета Антонина Ивановна Головистикова, много других людей. Лейтмотивом выступавших стала мысль: вся жизнь Зубова умещается в одном слове — подвиг.

Замелькали недели. В душах районных литераторов, долгие годы поддерживавших творческие и товарищеские отношения с Зубовым, не единожды деливших с ним хлеб-соль, крепло сознание того, что на них лежит особая ответственность за сохранение доброй памяти о талантливом собрате по перу. И тогда на одном из наших заседаний было решено: каждый год в первую субботу, либо воскресенье июля приезжать с букетами цветов на могилу поэта, чтобы там читать его стихи и вспоминать о нем.

В 1997 году шкулёвцы впервые собрались у могилы Зубова с букетами алых роз и трогательных ромашек. Я держал в руках наконец-то изданный сборник «Мисайлово — времена года». Расположившись вокруг могильной ограды, все мы по кругу начали из него декламировать зубовские стихи, которые по-особенному звучали на склоне оврага, среди зелёной листвы и травы. Скоро отмечать День памяти Евгения Зубова на его малой родине стало доброй традицией.

Накануне 60-летия со дня рождения Евгения Зубова литературное объединение им. Ф.Шкулева предложило установить мемориальную доску на доме в Мисайлове, где прошла вся жизнь поэта (многое сделала для осуществления задуманного Надежда Гвановская, член совета нашего объединения). Шкулёвцев поддержали районное Управление по делам молодежи, культуре и спорту, а также глава администрации Молоковского сельского округа Валерий Донсков. Труд по созданию мемориальной доски взял на себя резчик по камню В.Л.Михальков.

На торжественную церемонию открытия мемориальной доски приехали Лев Котюков, председатель правления Московской областной организации Союза писателей России и Владимир Бояринов, ныне председатель правления Московской городской организации Союза писателей России, которые высоко оценили инициативу земляков Евгения Зубова и предложили учредить литературную премию, носящую его имя. С этого момента увековечение памяти поэта стало делом многих людей и организаций.

С тех пор прошло 10 лет. Сегодня Московская областная премия имени Евгения Зубова занимает почетное место в культурной жизни Подмосковья. Дважды переиздавалась проиллюстрированная художницей Натальей Воронковой книга поэта «Мисайлово — времена года». Имя Евгения Зубова носит одна из улиц Мисайлова. В школах района теперь регулярно проходят «Зубовские уроки», на которых учащихся знакомят с жизнью и творчеством поэта (организацией их занимается Любовь Хоркина, ведущий методист «Межпоселенческой библиотеки»). По инициативе Татьяны Лукашёвой, директора МУК «Межпоселенческая библиотека», в районе ежегодно проводятся «Зубовские чтения» — конкурс на лучшее исполнение школьниками произведений талантливого земляка. Наши поэты посвящают Евгению Зубову стихи, наши композиторы и барды пишут музыку на его тексты, учащиеся наших школ анализируют его творчество.

Старшая сестра поэта Зоя Петровна вспоминала, как брат за три дня до своей кончины, может быть, предчувствуя скорый уход, с горечью говорил ей о неизбежности забвения, о том, что вечной памяти не бывает. На это я потом много раз мысленно возражал ему: «Конечно, время и сменяющие друг друга поколения будут вершить свой строгий и пристрастный суд. Но то, какой окажется тысячелетняя даль коллективной памяти, во многом зависит от нас, живущих сегодня».

Алексей ЗИМЕНКОВ,
председатель совета литературного объединения им. Ф. Шкулева, член правления Московской областной организации Союза писателей России.

Открытие мемориальной доски Евгению Зубову. У микрофона – председатель Правления МОО СП России Лев Котюков. Мисайлово. 30 марта 2002

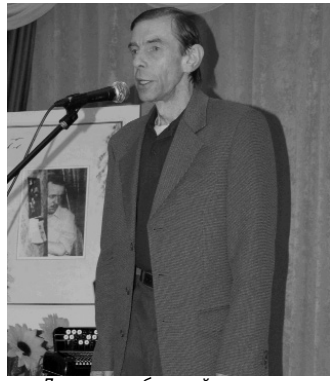
Члены совета лито им.Ф.Шкулёва Алексей Плотников и Надежда Гвановская (в первом ряду справа)

У микрофона издатель альманаха «На солнечной стороне» Алла Зусман

У микрофона сестра Евгения Зубова - Раиса Круглова

Глава Ленинского района Василий Голубев, председатель Правления МОО СП России Лев Котюков и сестра Евгения Зубова Раиса Круглова с лауреатами зубовской премии. 2008

Секретарь Правления МОО СП России Игорь Витюк, первый заместитель главы Ленинского района Алексей Селезнёв и лауреат литературной премии им. Е.Зубова видновчанка Марина Прокопенко. 200

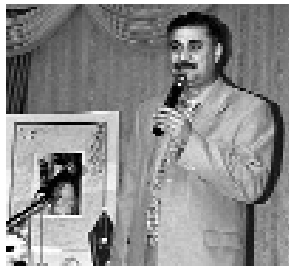


Лауреат зубовской премии поэт Сергей Соколовский

Лауреаты зубовской премии – поэты Борис Фильцов, Вениамин Шорохов и издатель Алексей Фёдоров. 200

Председатель совета лито им. Ф.Шкулева Алексей Зименков. 200

Заместитель директора МУК «Межпоселенческая библиотека» Елена Рогозянская и Зоя Зубова. 200



Начальник районного Управления по делам молодежи, культуре и спорту Моисей Шамаилов. 200

Игорь Витюк, Алексей Селезнёв и директор МУК «Межпоселенческая библиотека» Татьяна Лукашёва. 200

Алексей Селезнёв вручает диплом лауреата премии им.Е.Зубова поэтессе Алине Самсоновой из Ступина. 200

Председатель Правления МОО СП России Лев Котюков и первый заместитель главы Ленинского района. Алексей Селезнёв с лауреатами зубовской премии. 200

День памяти Евгения Зубова. Сестра поэта Зоя Зубова (третья слева). Мисайлово. 2002

Могила Евгения Зубова на мисайловском кладбище. 2010

Мемориальная доска на доме Зубовых. Мисайлово. 2010

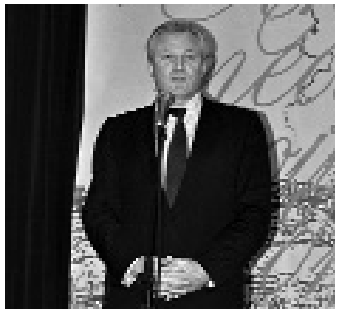
День памяти Евгения Зубова. Глава администрации Молоковского сельского округа Валерий Донсков (первый слева), сестра поэта Раиса Круглова (третья справа). Мисайлово. 2003

«Мисайлово – времена года». Второе издание. 2003

День памяти Евгения Зубова. Сестры поэта Раиса Круглова и Зоя Зубова (слева впереди). Мисайлово. 2007

«Мисайлово – времена года» Третье издание. 2007.

Шкулёвцы у могилы Евгения Зубова. Мисайлово. 2011



Глава Ленинского района Сергей Кошман на IV конкурсе «Люблю тебя, мой край родной!». Видное. 2010

В Центральной районной библиотеке обсуждают итоги IV конкурса «Люблю тебя, мой край родной!». Директор МУК «Межпоселенческая библиотека» Татьяна Лукашёва (первая слева). Видное. 2010

Начальник Управления по делам молодёжи, культуре и спорту Моисей Шамаилов и начальник Управления образования Ольга Титова на IV конкурсе «Люблю тебя, мой край родной!». Видное. 2010

Читаем Евгения Зубова

После «Зубовского урока». Сестра поэта Раиса Круглова и учитель литературы Галина Рубинская (в центре), методист МУК «Межпоселенческая библиотека» Любовь Хоркина (первая справа). 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте

С.Кошман, *глава Ленинского муниципального района Московской области*. Певец Видновского края 8

Л.Котюков, *председатель правления Московской областной организации Союза писателей России*. Он оставил яркий след на земле 10

МИСАЙЛОВО – ВРЕМЕНА ГОДА

Вступление («Великий фокусник – Природа!..») 15

Весна

МАРТ

«Ещё земля по-зимнему бела…» 18
«Солнце берётся за дело всерьёз…» 18
«Свалился снег тяжёлым грузом с крыш…» 19
Капель («Капель за окнами взахлёб…») 19
«Распускает март клубки сугробов…» 20
«Неба бескрайнего синяя власть…» 20
«Чуткие клавиши-льдины…» 21
«Было всё: тоска осенних буден…» 21

АПРЕЛЬ

«В гулкое небо погожего дня…» 22
«Тугой, неукротимый ветер…» 22
Последний снег («Нежданный снег приводит в раздраженье…») 24
«Осень может выдаться погожей…» 24
«Мягко сумерки апреля…» 25
Перед праздником («Толкутся над землею комары…») 25
«Куда девался снег вчерашний?..» 27

МАЙ

«Лягушек радостное пенье…» . . . 28
«Дождь уложился в полчаса…» . . . 28
«Лес множит птичьи отголоски…» . . . 29
«Кто остаться может равнодушным…» . . . 29
Одуванчики («По оврагам, по откосам…») . . . 31
Постижение («Весна не терпит проволочки…») . . . 31
Живой венок («Весёлым зябликам внимая…») . . . 32
«Пряный вечер по-летнему чуток…» . . . 32
Яблоня («Ночной грозы неистовая сила…») . . . 33
«Месяца литое коромысло…» . . . 34
«Красят светлые закаты…» . . . 35

Лето

ИЮНЬ

«Спокойный ход полдневных облаков…» . . . 38
Облако («Трётся о ноги котёнком…» . . . 38
«Ходят грозы с гулкою пальбою…» . . . 39
Соловьи («Отсвет белых ночей…» . . . 39
Просёлок («Когда глядишь в просторы долго…») . . . 40
«Как в синей речке рыбья молодь…» . . . 40
На рассвете («Куст шевельнёт онемевшею веткой…») . . . 41
Росинка («Зеркальный шарик утренней росинки…») . . . 42
«Где-то кровельным железом…» . . . 42
Июнь («Распахнулась даль заманчиво…») . . . 43
«Мне б затеряться в благодатном лете…» . . . 43

ИЮЛЬ

«Июльский зной в лощинах сушит…» . . . 44
«Околица. Полдень. Спираль повилики…» . . . 45
Дорогой детства («На этом пути и в солнце, и в дождь…») . . . 46
«Долго стою — очарован привольем…» . . . 46
Зарница («За полем зреющей пшеницы…») . . . 47
Подкова («Вспоминается прошлое часто…») . . . 47
«Как мало беспокоит нас…» . . . 48
«Где та дорога, что в детстве вела…» . . . 48
«В моей деревне что ни дом — кирпичный…» . . . 49

АВГУСТ

«Звуки дня растаяли, умолкли…» . . . 50
Голуби («Притихло всё — ни всплеска ветра…») . . . 50
Земля и небо («Небо живет отраженьем земли…») . . . 51
«Окрасив клювы соком вишен…» . . . 51
Проводы («День пролетел в хлопотливой подмоге…») . . . 52
«Я повторял с упрямой спесью…» . . . 52
«Вот образ осени маячит…» . . . 53
Сумерки («К окнам льнут кусты густой сирени…») . . . 53
Мера жизни («Ты помнишь поле, вспаханное в мае?..») . . . 55
Время («Отскандировали, отсвистали…» . . . 55

Осень

СЕНТЯБРЬ

«Стуком в окно меня будят синицы…» . . . 58
Рассвет («Обретает в свете раннем…») . . . 58
«В сонном воздухе нить паутины…» . . . 60
«Листва сирени сочно зелена…» . . . 60
Свет и тень («Там, где солнце, — разлито тепло…») . . . 61
«День на исходе, свет идет на убыль…..» . . . 61
Прощальный свет («Тучи хмурые нависли…») . . . 62
Скворец («Возле нашего крыльца….») . . . 62
Радость бытия («Ненастье отступило, отошло…») . . . 63
«От летнего зноя и пыли…» . . . 63

ОКТЯБРЬ

«Бросив факельный отсвет в притихшее озеро…» . . . 64
«Дом отдан в руки гулкой тишине…» . . . 65
Зелёная звезда («Не долог свет осеннего заката…») . . . 65
Двойник («Я посмотрел рассеянно в окно…») . . . 66
«За ночь земля листом покрылась палым…» . . . 67
«Теперь, осеннею порой…» . . . 67
Журавли («Мерцали уголья, потрескивая сухо») . . . 68
«Вслед за птицами к югу плывут облака…» . . . 68
«Кусты разбрасывают солнце…» . . . 69
Прощание («Мерцают лужи, небо мглисто…») . . . 69
«Наш сад в оцепенении давно…» . . . 71
В ожидании зимы («Ручей — и тот поёт вполголоса…») . . . 71

НОЯБРЬ
«Поднимет чайник шум на печке…» 72
«Стекленеют студёные росы…» 72
Последний дождь («В ненастный день потеют окна…»). 74
Огородное пугало («Ветер лист гнилой с дорог сметает») 74
«Не слишком ли много для одного…» 75
Первый снег («Порхая, весело кружась…»). 76
«Догорает день в костре заката…» 78
«Еще вчера был праздник листопада…» 78
Птицы («Для птиц оседлых дни настали трудные…») 79
«Тусклое небо подёрнуто сном…» 79

Зима

ДЕКАБРЬ
«Опять зима окрестным миром правит…». 82
Тишина («Свежесть снега, вкусный запах дыма…»). 82
Утро («Выходит день медлительно из тьмы…») 83
«В сизой дымке белый сон берёз…» 83
Зимнее солнце («На улице нашей прохожие редки...») 84
«Эти тучи мышиногоцвета...» 84
«Скука зелёная — это еще ничего…» 85

ЯНВАРЬ
«Как струны потревоженной гитары…» 86
Глухозимье («Белых дней непробудная дрёма…»). 86
Звезда («Когда погаснут краски дня») 88
«Я растоплю дыханьем наледь…». 88
Колотушка («Висит в чулане колотушка…») 89
«Были крыши, крытые соломой…». 90
Сказки города («По горизонту длинной опояской») 90
Тройка («Мне снег слепит глаза до боли»). 91

ФЕВРАЛЬ
«Стоят леса — черны и хмуры…» 92
Метель («Побежала позёмка под вечер…») 92
Февраль («После метелей вернулось затишье…») 93
«Ещё в саду царит покой…» 93

«Тускнело в пять часов окно…» 94
«Оглянешься с вершины февраля…». 94
«День с утра звенит синицами…» 94
«Улеглись снегоносные бури…». 95

Заключение («Однообразием греша…»). 97

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ

<Весна света> («Горизонты снежные полны…») 100
<Сосульки> («С карниза…») 100
<Вот так чудо…> («Ко мне…»). 100
<Пейзажная зарисовка> («Над мартовскою рощею…») 100
<Глаза земли> («Вечером в синие талые лужи...») 102
<Живой радиоприёмник> («Однажды тихим ранним утром...»). 102
<Птица-весна> («И будь ты запертый в темнице...») 102
<Жаворонок> («Он звенел и радостно, и смело…») 102
<Одуванчики> («Солнце ласкало зелёные дали…») 103
<Лето> («Пахнут сеном высохшим кюветы…») 103
<Рыбалка> («Вода слепит бегущей рябью мелкой…»). 103
<Безмятежность> («Такая в мире безмятежность…») 103
<Речка> («Петляет речка торопливо…»). 104
<Ночные бабочки> («Замелькают, слетясь,
в освещенном магическом круге...») 104
<Незнакомка в автобусе или Любовь с первого взгляда>
(«Как электрическим разрядом…»). 105
<Скоро осень> («Сгорает лето в сполохах зарниц…»)
<Речка> («Бежала речка налегке…») 105
<Рожь> («Есть слова, как длинный поезд...»). 106
<Небо> («Люблю смотреть на небо чисто...») 106
<Шофёр и Осень> («Вдоль подмосковного шоссе») 107
<Озерцо> («В зелёном обрамлении осоки…»). 107
<Почему?>(«Я к одиночеству привык…»). 108
<Осенний почтальон> («Облетают с веток листья…») 108
<Усталость> («Шурша листвой, брожу весь день по саду…»). 108
<В лесу> («Вдоль узких тропинок, вдоль дымчатых просек…») 110
<Таков человек > («Хоть птицами, что пробуют крыло…»). 110
<В вагоне> («Вороньи стаи с полем неразлучны…») 110

<Ветер> («В больничный сад окно…») 110
<Лист> («Бьётся лист, как маятник на ветке…») 111
<Небесные часы> («Круг луны над тёмным гребнем сада…») 111
<Пора на юг> («На полях густеют зеленя…») 111
<Вороны> («Вороны сидят…») 111
<Румянец земли> («Пашню плуг поднимает вдали...») 111
<Дельцы> («Среди хапуг, дельцов самодовольных…») 112
<Осенняя зарисовка> («Янтарным отсветом заката…») 112
<Снег> («Ну что ж ты, снег, такой несмелый?!.») 112
<Сердце> («На отдых стал последний пароход…») 114
<Художница Зима> («Повсюду белые пунктиры…») 114
<Накануне> («Накрапы белого зазимка…») 114
<Тополь-лыжник> («Лунные ночи, морозные ночи…») 114
<Дымы> («Над заснеженной деревней…») 115
<Свет сугробов> («Синие сумерки ранней весны…») 115
<Пора цветенья> («Пора цветенья — головокруженье…») 115

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А.Зименков. Есенин Видновского края 118